Э. Мейеръ,
Профессоръ университета въ Галле.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТІЕ ДРЕВНЯГО МІРА.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

М. О. ГЕРШЕНЗОНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Х. Брауде, Пантелеймонская улица, 21.
1898.

Дозволено Цензурою. С.-Петербургъ, 16 Августа 1897 года.

При выборѣ темы для доклада, который я обѣщалъ прочитать на настоящемъ съѣздѣ нѣмецкихъ историковъ, мною руководило желаніе обсудить здѣсь, въ широкомъ кругу товарищей, какой-нибудь общій вопросъ, въ которомъ ясно обнаруживалось-бы, какое большое значеніе имѣетъ еще и для нашего времени правильное пониманіе проблемм древней исторіи. Для этой цѣли мнѣ казалось наиболѣе пригоднымъ сообщеніе объ экономическомъ развитіи древняго міра,—тѣмъ болѣе, что по этому вопросу теперь господствуютъ и поддерживаются нѣкоторыми выдающимися учеными такія мнѣнія, которыя я считаю невѣрными и даже препятствующими правильному пониманію не только древности, но и историческаго развитія вообще. Я долженъ извиниться въ томъ, что начну съ нѣкоторыхъ полемическихъ замѣчаній, съ краткаго изложенія оспариваемыхъ мною взглядовъ; только такимъ образомъ мы можемъ установить правильную точку зрѣнія на предметъ нашего изслѣдованія.

Какъ извѣстно, Родбертусъ [1]) опредѣлилъ древнее хо-

---

[1]) Въ своей статьѣ «Zur Geschichte der römischen Tributsteuern seit Augustus», I. Jahrb. f. Nationalök. u. Statist., IV. 1865, стр. 339 и сл.

зяйство, какъ хозяйство οἰκος'α, т. е. какъ автономное хозяйство отдѣльнаго дома, собственными силами удовлетворяющаго всѣ свои потребности. Этотъ взглядъ настолько противорѣчитъ всему, что мы знаемъ о строѣ древней жизни, что онъ едва-ли встрѣтилъ согласіе со стороны кого-либо изъ изслѣдователей древности. Тѣмъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ отнеслись къ нему политико-экономы и нѣкоторые историки, такъ что теперь онъ является общераспространеннымъ. Особенно краснорѣчиваго защитника онъ нашелъ недавно въ лицѣ почтеннаго профессора Карла Бюхера. Въ своей книгѣ «Происхожденіе народнаго хозяйства» (1893) онъ утверждаетъ, что народное хозяйство «не старше современнаго государства» (стр. 14). Онъ дѣлитъ всю исторію экономическаго развитія на три періода. Первый періодъ—періодъ «замкнутаго домашняго хозяйства», опредѣляемаго какъ «чистое производство на себя» (Eigenproduction) или какъ «хозяйство безъ обмѣна», гдѣ «продукты потребляются въ томъ-же хозяйствѣ, которое ихъ производитъ» (стр. 15). Этотъ періодъ продолжается «отъ начала цивилизаціи до середины Среднихъ вѣковъ, приблизительно до начала второго тысячелѣтія нашей эры»; такимъ образомъ къ нему причисляется вся древность. Его характернымъ признакомъ служитъ то, что «весь хозяйственный оборотъ, отъ производства до потребленія, совершается въ замкнутомъ кругу дома (семьи, рода)», что «каждый продуктъ проходитъ весь путь своего образованія—отъ полученія

сырого матеріала до того момента, когда онъ дѣлается годнымъ для употребленія,—въ одномъ и томъ же хозяйствѣ, и безъ промежуточныхъ ступеней поступаетъ въ потребленіе». «Производство и потребленіе продуктовъ переходятъ одно въ другое: они составляютъ одинъ непрерывный и нераздѣльный процессъ; точно также не могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга производящее и потребляющее хозяйство» (стр. 16). Правда, нѣсколько ниже (стр. 43) авторъ констатируетъ въ древности и зачатки слѣдующей, высшей формы—городского хозяйства, «періода прямого обмѣна, когда продукты непосредственно поступаютъ изъ производящаго хозяйства въ потребляющее». Но дальше этихъ зачатковъ древность, по мнѣнію Бюхера, не пошла; о народномъ-же хозяйствѣ не можетъ быть и рѣчи. Послѣднее возникло лишь въ концѣ Среднихъ вѣковъ, между 15 и 16 столѣтіями. Существованіе въ древности такого порядка, при которомъ «продукты обыкновенно должны проходить цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ поступить въ потребленіе»,—другими словами, существованіе правильнаго экономическаго расчлененія общества съ развитыми сношеніями и живымъ обмѣномъ продуктовъ между всѣмъ населеніемъ, существованіе постоянной торговли и торговаго класса, какъ посредника между производствомъ и потребленіемъ,—совершенно отрицается.

Въ краткомъ очеркѣ (стр. 23—28) набрасывается затѣмъ картина древняго хозяйства, вполнѣ

соотвѣтствующая этимъ положеніямъ. Въ центрѣ ея, согласно теоріи Родбертуса, находится исключительно одинъ οἶκος, экономически-независимое хозяйство отдѣльнаго дома съ его рабами и подвластными, которое посредствомъ чрезвычайно развитого раздѣленія труда между своими членами въ самомъ себѣ удовлетворяетъ всѣ свои потребности[1]). Существованіе свободнаго труда категорически отрицается. «Не существуетъ дѣленія на классы по производительнымъ профессіямъ, нѣтъ ни крестьянъ, ни ремесленниковъ», говорится (на стр. 24) о Римѣ; но раньше (стр. 23) было сказано, что то же самое относится и къ Греціи и къ Карѳагену. «Свободный, ничѣмъ не владѣющій человѣкъ совершенно лишенъ возможности найти заработокъ, потому что не существуетъ предпринимательскаго капитала, который покупалъ-бы трудъ за плату, не существуетъ промышленности внѣ замкнутаго дома». Въ заключеніе обстоятельно описываются огромныя массы рабовъ въ большихъ хозяйствахъ временъ римской имперіи и утонченное распредѣленіе труда между ними. Наряду съ этимъ Бюхеръ въ «Handwörterbuch der

[1]) Напротивъ, М. Веберъ въ своей «Römische Agrargeschichte» превосходно доказалъ, что «экономическая независимость οἶκος'а, на которой Ротбертусъ строитъ всю исторію хозяйственнаго развитія древности и которая, по его мнѣнію, начинаетъ исчезать въ періодъ имперіи, въ дѣйствительности была для сельскихъ земледѣльческихъ хозяйствъ въ значительной мѣрѣ продуктомъ историческаго развитія (временъ имперіи)» (стр. 241). Собственно выраженіе αὐτάρκεια (Rodbertus, Jahrb. f. Nationalök. IV, 347) принадлежитъ Аристотелю, который относитъ его, какъ извѣстно, не къ дому (οἰκία), а къ городу (πόλις).

Staatswissenschaften» III, 930 и сл. все-таки признаетъ еще существованіе свободныхъ наемныхъ работниковъ, но этимъ и замыкается кругъ экономическихъ отношеній древности. Затѣмъ мы однимъ скачкомъ попадаемъ въ Средніе вѣка, въ первую половину которыхъ хозяйство будто-бы сохраняло тѣ-же основныя черты, какъ и въ древности. На меня это описаніе производитъ такое-же впечатлѣніе, какъ если-бы кто-нибудь вздумалъ изобразить общество прошлаго или даже нынѣшняго столѣтія на основаніи свѣдѣній о роскоши и привычкахъ высшихъ парижскихъ круговъ или англійской аристократіи или если бы изъ того факта, что въ наше время крупная промышленность въ значительной мѣрѣ вытѣснила ремесла или подчинила ихъ себѣ, кто-нибудь сдѣлалъ выводъ, что самостоятельныхъ, независимыхъ ремесленниковъ вообще больше не существуетъ. Какъ доказательство, приводится фраза о Трималхіонѣ, вложенная Петроніемъ въ уста одного изъ своихъ дѣйствующихъ лицъ: «Можешь мнѣ повѣрить, что ему не нужно ничего покупать: все растетъ на его собственной землѣ» [1]). Но если уже пользоваться картиной, нарисованной сатирикомъ, весь юморъ котораго заключается именно въ томъ, чтобы все преувеличить и такимъ образомъ сдѣлать смѣшнымъ [2]), то изъ

[1]) Выраженіе «omnia domi nascuntur» Бюхеръ неправильно переводитъ: «все производится у него самого».

[2]) Новѣйшіе писатели слишкомъ часто грѣшили противъ научнаго пониманія этого прелестнаго романа. Они пользуются сатирическими описаніями такъ, какъ будто это статистическія таблицы.

стихъ словъ можно скорѣе сдѣлать противоположный выводъ. Выписывать пчелъ изъ Аттики и сѣмена шампиньоновъ изъ Индіи, держать только муловъ, происшедшихъ отъ дикаго осла,—а объ этомъ именно идетъ рѣчь въ приведенномъ отрывкѣ — все это можетъ дѣлать какъ разъ только такой выскочка-милліонеръ, какъ Трималхіонъ, не знающій, куда дѣвать свои милліоны. За то ничего нельзя возразить противъ приводимаго дальше Бюхеромъ крестьянскаго правила: «Никуда не годенъ крестьянинъ, который покупаетъ то, что можетъ произвести его земля» [1]), или, какъ его формулируетъ Варронъ (de re rust. I, 22): «Не слѣдуетъ покупать того, что можетъ быть выращено на своей землѣ и сдѣлано дома, напр. вещей, приготовляемыхъ изъ ивы и другихъ растущихъ въ усадьбѣ деревьевъ, изъ конопли, льна, ситника и пр., какъ корзинъ, молотильныхъ катковъ, вѣялокъ, мотыкъ, веревокъ, канатовъ, рогожъ» [2]). Но это положеніе одинаково примѣнимо ко всякому крестьянскому, да и вообще ко всякому бережливому хозяйству любой эпохи, какъ древности, такъ и настоящаго времени.

---

[1]) Plin. 18, 40. И дальше: «Плохой хозяинъ тотъ, кто днемъ дѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать ночью, развѣ только въ дурную погоду; еще хуже тотъ, который въ будни дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать въ праздники, а хуже всѣхъ тотъ, кто въ хорошую погоду работаетъ не въ полѣ, а въ домѣ».

[2]) Опуская пояснительныя слова, Бюхеръ (въ Handw. d. Staatsw. III, 926) придаетъ этой фразѣ гораздо болѣе широкій смыслъ, чѣмъ хотѣлъ Варронъ. Но даже въ такой формѣ она не доказываетъ того, что утверждаетъ Бюхеръ.

Такой-же смыслъ имѣетъ изреченіе Катона: «Отецъ семейства (въ данномъ случаѣ крестьянинъ) долженъ стараться много продавать, но мало покупать» [1]).

Въ отвѣтъ на приведенныя положенія Бюхера я хочу здѣсь только вкратцѣ указать на то, что, по Ѳукидиду, ополченіе пелопоннесскихъ общинъ состояло изъ крестьянъ, которые сами воздѣлывали свои поля и потому не могли долго оставаться подъ знаменами; что споръ о правѣ демократіи на господство, составлявшій въ Греціи со времени Перикла средоточіе всей политической и литературной жизни, сводился къ вопросу о томъ, справедливо-ли, чтобы люди, живущіе собственнымъ трудомъ, βάναυσοι, принимали участіе въ политической жизни и могли заглушать голосъ людей независимыхъ; что во всѣхъ древнихъ странахъ, уже прошедшихъ стадію чисто земледѣльческаго государства, ремесленники, матросы, купцы и лавочники составляли значительную часть гражданъ; что революція, отъ которой погибла римская республика, была вызвана стремленіемъ сохранить или, вѣрнѣе, возстановить первоначальную основу римскаго государства—независимое, способное нести военную службу крестьянское

---

[1]) De re rust. 2, patrem familias vendacem, non emacem esse oportet. Все, что сдѣлалось уже негоднымъ для хозяйства, — старое желѣзо, старый скотъ и рабовъ—онъ долженъ стараться продать, совершенно такъ-же, какъ и излишекъ своихъ произведеній. Но гдѣ ему найти покупателей при существованіи только автономныхъ хозяйствъ, которыя сами производятъ все' что имъ нужно?

сословіе. Я уже не говорю о той громадной роли, которую играли въ древней исторіи торговля и деньги и которую Бюхеръ старается низвести до минимума.

Родбертусъ и Бюхеръ далеко не единственные сторонники этихъ взглядовъ. Изъ теоріи презрѣнія къ физической работѣ, изъ образа гражданина, живущаго чужимъ трудомъ, отдающагося только государственной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ утонченной духовной и художественной роскоши, изъ анекдотическихъ разсказовъ объ упадкѣ нравственности въ періодъ имперіи, о полчищахъ рабовъ у римскихъ вельможъ,—изъ всего этого не одна только публика создала ту фантастическую картину, которая, смотря по надобности, то прославляется, какъ высшій идеалъ, какъ образецъ для развращенной политической жизни нашего времени, то, какъ совершенно безнравственная, изображается въ самыхъ мрачныхъ краскахъ и тогда составляетъ выгодный фонъ для христіанства. Эти взгляды очень распространены и среди ученыхъ; мы встрѣчаемъ ихъ не только у политико-экономовъ, но и у историковъ. Въ послѣднемъ итогѣ они произошли изъ ложнаго мнѣнія, будто историческое развитіе народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря, шло непрерывно по восходящей линіи. Это мнѣніе, вызванное, прежде всего, теологической потребностью, наиболѣе усердно распространялось популярной философіей, которая, какъ извѣстно, охотно занимается теоріей прогресса и, не заботясь о фактахъ, составляетъ только красивыя системы; въ основѣ его лежитъ обычное дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую. Изъ того, что въ Средніе вѣка господствовалъ совершенно примитивный строй, заключаютъ, что строй древней жизни неизбѣжно былъ еще болѣе первобытенъ. Въ противоположность этому взгляду необходимо самымъ энергичнымъ образомъ указать на то, что исторія развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены [1]). Древній міръ погибъ не вслѣдствіе какого-нибудь разрушительнаго внѣшняго переворота, а вслѣдствіе внутренняго разложенія совершенно выработанной и по своему существу вполнѣ современной культуры, умершей естественной смертью. Кто еще не совсѣмъ освоился съ этимъ фактомъ, кто еще можетъ сказать: «Уже у Грековъ и Римлянъ мы находимъ то или другое учрежденіе; затѣмъ слѣдуетъ франкское государство и Карлъ Великій» и т. д. [2]), тому еще не доступно научное

[1]) Здѣсь не мѣсто разбирать различіе между этими двумя періодами развитія. Самое важное, что новѣйшая культура получила отъ древности, это всеобщая связь, которая, несмотря на всѣ процессы разложенія, уже не могла исчезнуть и продолжаетъ существовать въ идеѣ единой церкви и единаго государства. Это внесло въ христіанско-германское средневѣковье такой факторъ, который еще совершенно отсутствуетъ въ аналогичный періодъ древней исторіи.

[2]) Такой взглядъ часто встрѣчается напр. въ историческихъ статьяхъ «Handwörterbuch der Staatswissenschaften».

пониманіе того процесса развитія, который мы называемъ всемірной исторіей.

Я попытаюсь въ краткихъ чертахъ нарисовать здѣсь, насколько мнѣ позволитъ время, картину дѣйствительнаго хода экономическаго развитія древности. Исчерпать весь обширный и разновидный матеріалъ хотя-бы въ одномъ какомъ-либо направленіи,—такой задачи я конечно не могъ себѣ здѣсь поставить; надѣюсь также, что мнѣ простятъ, если нѣкоторыхъ періодовъ я только коснусь немногими словами и обращу главное вниманіе на самые важные для нашего изслѣдованія вопросы: съ одной стороны, на развитіе высшихъ формъ изъ первоначальныхъ примитивныхъ отношеній, съ другой,—на эпоху упадка.

О началѣ, объ условіяхъ жизни «первобытнаго человѣка» я не стану говорить. Для насъ безразлично, правильно ли утвержденіе Бюхера (стр. 16), что «обмѣнъ вначалѣ совершенно неизвѣстенъ», хотя я долженъ замѣтить, что, насколько я знакомъ съ матеріаломъ, даже при очень примитивныхъ условіяхъ торговля, обмѣнъ собственныхъ продуктовъ на чужіе товары, играетъ очень важную роль. Во всякомъ случаѣ, у всѣхъ народовъ, которыми занимается исторія, торговля является однимъ изъ основныхъ факторовъ культурнаго развитія.

На Востокѣ мы находимъ уже въ древнѣйшій періодъ, отъ котораго до насъ дошли свѣдѣнія, очень развитую промышленность, всеобщія торговыя сношенія и, какъ посредниковъ при обмѣнѣ, благородные металлы. Изъ эпохи перваго расцвѣта Вавилонской монархіи (2400—2100 до Р. Х.) до насъ дошло множество документовъ о частныхъ сдѣлкахъ, особенно о покупкахъ рабовъ, земли, домовъ, о займахъ денегъ (изъ 17—20% годовыхъ) и хлѣба, о наймѣ рабочихъ и домовъ, о раздѣлѣ наслѣдствъ и т. п. [1]). Здѣсь во второй половинѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х. мы находимъ вполнѣ развитымъ счетъ по вѣсовымъ единицамъ золота и серебра, которыя изъ Вавилоніи распространились по всему древнему цивилизованному міру и легли въ основу вѣса монетъ; ихъ появленіе, очевидно, относится еще къ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ. Памятники и историческія свѣдѣнія указываютъ на оживленныя, какъ мирныя, такъ и военныя, сношенія съ сосѣдними народами. На почвѣ вавилонской системы мѣры и вѣса страны, окруженныя горными цѣпями Тавра и Загра, переходящія къ югу въ великую сирійско-аравійскую степь и пустыню и населенныя преимущественно семитами, очень рано соединились въ одинъ торговый округъ. Крупные города Сиріи и Финикіи служатъ центрами торговли и промышленности, которымъ они обязаны своимъ благосостояніемъ и политическимъ значеніемъ. Извѣстно, какъ они старались расширить свои сухопутныя и морскія сношенія, какъ финикіяне распространили свою торговлю на всѣ побережья Средиземнаго моря. Въ пустынѣ караваны бедуиновъ поддерживали сообщеніе на верблюдахъ тысячи лѣтъ тому назадъ такъ-же,

[1]) См. особенно Br. Meissner, Beiträge zum altbabylonischen Privatrecht, 1893 (Assyriologische Bibliothek, вып. XI).

какъ и теперь: достаточно указать на караванъ измаильтянъ, который шелъ изъ Гилеада въ Египетъ съ разнаго рода смолой, трагаканоомъ, мастикой и ладаномъ и которому, по древнѣйшей версіи сказанія, Іосифъ былъ проданъ своими братьями (Быт. 37, 25). Именно караванная торговля играетъ въ исторіи древняго Востока очень важную роль; она доставляетъ самые цѣнные и наиболѣе требуемые естественные продукты: золото и куренія, которыя привозятся изъ южной Аравіи и степей восточной Африки — золото изъ Нубіи, куренія изъ Пунта. Благодаря этой торговлѣ, въ южной Аравіи, въ Савскомъ царствѣ, около 1000 года до Р. Х. развивается сравнительно высокая культура и возникаютъ прямыя торговыя сношенія съ государствами, расположенными у Средиземнаго моря. Въ связи съ этимъ торговымъ движеніемъ стоитъ разукрашенное легендою, но по существу несомнѣнно историческое посѣщеніе Соломона Савскою царицей, о которой говорится: «И подарила она царю сто двадцать талантовъ золота и великое множество благовоній и драгоцѣнные камни; никогда не бывало такого множества благовоній, сколько подарила царица Савская царю Соломону» (Цари I, 10, 10); далѣе—почести, оказываемыя Савскими царями великимъ ассирійскимъ завоевателямъ, и, наоборотъ, походы ассиріянъ и Навуходоносора въ пустыню съ цѣлью усмирить бедуиновъ и обезопасить торговые пути. Египетскіе фараоны во всѣ эпохи расцвѣта ихъ государства посылали торговые

флоты по Красному морю, чтобы завязать непосредственныя сношенія съ родиной куреній, Пунтомъ въ Африкѣ [1]); такой же характеръ носятъ поѣздки Соломона и Іосафата въ Офиръ въ союзѣ съ тирскими царями.

Рядомъ съ этой торговой и культурной областью передней Азіи мы находимъ въ долинѣ Нила высокоразвитое государство, стоящее вполнѣ на почвѣ натуральнаго хозяйства. Какъ извѣстно, царство фараоновъ въ его древнѣйшемъ видѣ, въ эпоху постройки пирамидъ (около 3000 г. до Р. Х.), является прочно организованнымъ бюрократическимъ государствомъ, похожимъ на византійское, съ сложной системой чиновничьей іерархіи и обстоятельнымъ письменнымъ дѣлопроизводствомъ. Но понятіе объ общемъ мѣрилѣ цѣнности чуждо этому государству. Подати въ пользу царя, высшихъ чиновниковъ и аристократовъ, которымъ принадлежитъ земля, собираются натурою и сохраняются въ казенныхъ магазинахъ; жалованье и содержаніе отъ двора выплачиваются также натурой. Когда аристократы и придворные кавалеры и дамы хвастаютъ тѣмъ, что получаютъ свою пищу съ царскаго стола, то эти слова слѣдуетъ понимать буквально. Рисунки на гробницахъ изображаютъ рыночныя сцены, гдѣ торговцы продаютъ рыбу, лукъ, мази, утварь, украшенія; покупатели

[1]) При 5-й, 12-й, 18-й и 20-й династіяхъ. О топографіи Пунта см. W. Max Müller, Asien und Europa nach ägyptischen Quellen стр. 106 и сл.

расплачиваются цѣпочками, вѣерами, сандаліями и т. п. [1]). Нубійское золото есть лишь особенно дорогой товаръ, какъ и лапись-лазули и другіе цѣнные минералы, получаемые изъ рудниковъ Синайскаго полуострова, а позднѣе также, путемъ торговли, изъ Азіи.

Древнее царство временъ постройки пирамидъ къ концу третьяго тысячелѣтія до Р. Х. превращается въ феодальное государство. Большая часть земли находится въ рукахъ высшей знати, областныхъ князей, которымъ царь ввѣряетъ управленіе округами и которые обязаны вмѣстѣ съ тѣмъ собирать и сдавать въ царскія кладовыя «доходы царскаго дома», т. е. подати, слѣдуемыя государству. Главная масса сельскаго населенія — крѣпостные, обязанные своимъ господамъ барщиной; но рядомъ съ ними мы находимъ въ городахъ значительное число ремесленниковъ и купцовъ. Нѣкоторые изъ ремесленниковъ, напр. ткачи, находятся въ крѣпостной зависимости, другіе-же, какъ цирюльники, оружейные и золотыхъ дѣлъ мастера, каменщики, каменотесы, скульпторы, врачи, бальзамировщики труповъ, описываются въ литературѣ, какъ свободные, и нерѣдко изображаются на памятникахъ владѣльцами значительнаго состоянія, многочисленныхъ рабовъ и рабынь. Сообразно съ этимъ выборъ занятія совершенно свободенъ, и нерѣдко сынъ занимается не ремесломъ отца, а какимъ нибудь другимъ или переходитъ въ чиновничье (въ

[1]) См. Erman, Aegypten und ägyptisches Leben im Altertum, стр. 654 и сл.

древнѣйшія времена вѣроятно и въ жреческое) сословіе, хотя можно принять за общее правило, что здѣсь, какъ и во всякомъ обществѣ съ устойчивымъ строемъ жизни, сынъ продолжаетъ дѣятельность отца [1]). Но и въ это время формы обращенія продуктовъ остаются тѣ-же. Если какое-нибудь важное лицо дѣлаетъ распоряженіе о поминовеніи его послѣ смерти, то оно назначаетъ жрецамъ въ вознагражденіе часть доходовъ со своего личнаго имущества (иногда долю храмовыхъ доходовъ, которую оно получало въ силу своей наслѣдственной принадлежности къ жреческому сословію); напр. каждому жрецу за выдаваемый имъ въ первый високосный день бѣлый хлѣбъ — свою часть животнаго, закланнаго въ этотъ день въ храмѣ; за хлѣбъ и пиво въ одинъ изъ главныхъ праздниковъ — «24 дневныхъ храмовыхъ раціона изъ своего наслѣдственнаго состоянія, а не изъ царскаго помѣстья» [2]); за три свѣтильни для

[1]) Извѣстно, что сообщенія греческихъ писателей о существованіи кастовой организаціи въ Египтѣ основаны на недоразумѣніи. Только званіе жреца здѣсь, какъ и во многихъ другихъ странахъ (напр. у евреевъ послѣ Давида), сдѣлалось постепенно наслѣдственнымъ; когда въ десятомъ вѣкѣ до Р. Х. ливійскіе наемники, какъ впослѣдствіи Мамелюки, захватили въ свои руки власть надъ Египтомъ, изъ нихъ образовалась военная каста, которой принадлежала бóльшая часть страны. Но естественно, что напр. занятія крестьянъ и пастуховъ фактически оставались почти безъ исключенія наслѣдственными. Относительно государственнаго и соціальнаго строя Египта см., кромѣ указаннаго капитальнаго труда Эрмана, мою исторію древняго Египта.

[2]) Потому что послѣднимъ онъ не можетъ свободно распоряжаться: оно дано ему только въ ленное владѣніе и можетъ

зажиганія свѣчей въ три праздничныхъ дня — 1000 схойній [1]) отъ своего наслѣдственнаго помѣстья. До насъ еще дошли отрывки счетной книги царскаго двора 13-й династіи (около 1900 г. до Р. Х.), которые показываютъ, какъ изъ запасовъ хлѣба, пива, плодовъ, овощей и т. д., поступающихъ въ царскія кладовыя, ежедневно выдаются, соотвѣтственно рангу, опредѣленные, точно разсчитанные раціоны принцамъ и дамамъ гарема, высшимъ чиновникамъ и придворнымъ, судьямъ, солдатамъ, дворцовымъ служителямъ, а также многимъ частнымъ лицамъ, получающимъ постоянное или временное содержаніе отъ двора [2]).

Когда въ началѣ новаго царства (съ 1580 г. до Р. Х.) Египетъ переходитъ къ завоевательной политикѣ, на немъ начинаютъ сказываться азіатскія вліянія. Уже раньше въ Египтѣ, повидимому, установилась привычка пользоваться слитками мѣди (утами), вѣсомъ въ 91 гр., если еще не какъ настоящими деньгами,

не перейти къ его наслѣдникамъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда завѣщатель дѣлаетъ пожертвованіе изъ царскаго лена, онъ ясно говоритъ, что оно условно, но выражаетъ надежду, что его наслѣдники исполнятъ его распоряженіе, хотя законъ и не обязываетъ ихъ къ этому. Тексты см. у Эрмана «Zehn Verträge aus dem Mittleren Reich», Zeitschr. f. ägypt. Sprache, 1882, стр. 159 и сл., и затѣмъ въ его «Aegypten», стр. 209 сл.—Въ этихъ счетахъ, какъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ (напр. и у грековъ) годъ считается ровно въ 360 дней, т. е. въ 12 мѣсяцевъ по 30 дней.

[1]) 1 Схойній (ahet) = 441 кв. метру.

[2]) См. приложеніе I.

на которыя можно обмѣнивать всѣ другіе товары, то какъ мѣриломъ, которымъ оцѣниваются обмѣниваемые другъ на друга товары [1]) (отсюда произошла впослѣдствіи птоломеева мѣдная монетная система). Теперь въ Египетъ проникаютъ также азіатскія мѣры и счетъ на благородные металлы, хотя въ общемъ старая государственная система остается въ силѣ и завоеванныя страны выплачиваютъ подати преимущественно хлѣбомъ и многочисленными естественными и искусственными продуктами. Вліяніе передней Азіи на Египетъ было тогда чрезвычайно велико: не только въ видѣ податей, но и благодаря торговлѣ въ Египетъ доставлялось много издѣлій передней Азіи, оказывавшихъ сильное вліяніе на мѣстную промышленность; въ это время въ Египтѣ господствовала вполнѣ азіатская мода. Важнымъ послѣдствіемъ удачныхъ войнъ было, какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, рѣзкое увеличеніе числа рабовъ. Къ неграмъ, которые во всѣ времена ввозились въ Египетъ, прибавилось много азіатскихъ рабовъ, находимыхъ всюду на памятникахъ этого времени въ качествѣ чернорабочихъ, ремесленниковъ, слугъ, и сильно повліявшихъ на судьбы страны. Въ другія эпохи число рабовъ въ Египтѣ, какъ и на всемъ Востокѣ, въ древнее и новое время, повидимому

[1]) Такъ, въ Новомъ царствѣ за вола, оцѣненнаго въ 119 утъ мѣди, дается палка съ инкрустаціей, стоющая 25 утъ, и другая въ 12 утъ, одиннадцать кувшиновъ меду въ 11 утъ и т. д. (Erman, Aegypten, стр. 657).

никогда не было очень велико [1]), едва-ли больше, чѣмъ въ нашемъ столѣтіи передъ уничтоженіемъ рабства. Ихъ употребляли почти исключительно для личныхъ услугъ; рабовъ-работниковъ было всегда немного, такъ какъ для этого существовало достаточно крѣпостныхъ и свободныхъ рабочихъ [2]).

Чѣмъ дальше подвигается впередъ развитіе древняго Востока, тѣмъ больше растетъ вліяніе торговли. Характерно, что дамасскій царь послѣ побѣды надъ Омри не только отнимаетъ у Израиля пограничныя области, но и пріобрѣтаетъ право основать рынокъ въ Самаріи. Когда затѣмъ Ахавъ побѣждаетъ дамасскаго царя, онъ пріобрѣтаетъ такое-же право относительно непріятельской столицы (Цари, I, 20, 34). Поощреніе торговли, владычество надъ моремъ, доходы, средства и связи, пріобрѣтаемыя такимъ путемъ, играютъ все

[1]) Въ публикѣ распространены фантастическія представленія объ обширныхъ гаремахъ и несчетныхъ толпахъ рабовъ восточныхъ богачей. Въ дѣйствительности число людей, достигшихъ этого идеала, всегда было очень ограничено; въ мусульманскихъ странахъ рабовладѣніе проникло вглубь народа, вѣроятно, не дальше, чѣмъ многоженство. Этимъ, конечно, не отрицается тотъ фактъ, что въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ (напр. въ средніе вѣка для промышленности въ Иракѣ) и для отдѣльныхъ отраслей промышленности, напр. для ловли жемчуга, употреблялось много рабовъ.

[2]) Объ экономическомъ развитіи Египта можно было бы, конечно, сказать еще очень многое. Особенно важно постоянное увеличеніе заповѣдныхъ имуществъ (maine-morte), благодаря все увеличивавшимся вкладамъ царей и частныхъ лицъ въ храмы. Это обстоятельство играло важную роль въ послѣдующемъ крушеніи государства.

бо̀льшую и большую роль въ политикѣ. Обновленное египетское царство Псамметиха и его преемниковъ уже рѣшительно ищетъ опоры въ этихъ элементахъ; впослѣдствіи объ этомъ еще въ гораздо большей степени заботятся Птоломеи. Дарій, устроитель персидскаго государства, не только снова урегулировалъ торговлю своей важной денежной реформой, но и пытался открыть для нея новые пути тѣмъ, что изслѣдовалъ теченіе Инда, отправлялъ экспедиціи для открытія западныхъ береговъ, и особенно тѣмъ, что окончилъ начатое еще Нехо прорытіе судоходнаго канала отъ Нила до Краснаго моря и такимъ образомъ сдѣлалъ возможнымъ прямое сообщеніе между Нильской долиной и Вавилоніей.

Но мы не можемъ дольше останавливаться на исторіи востока; для нашихъ цѣлей достаточно замѣтить, что она отнюдь не оправдываетъ взглядовъ Бюхера.

Однако первыя наши свѣдѣнія о культурныхъ народахъ Востока относятся къ тому времени, когда они уже достигли очень высокой степени развитія. Если мы хотимъ изучить простыя отношенія и прослѣдить ходъ развитія, которое на Востокѣ въ то время, къ какому относятся наши первыя свѣдѣнія, уже принадлежитъ прошлому, то мы должны обратиться къ Греціи [1]).

[1]) Наряду съ греками намъ можетъ многое объяснить развитіе тѣхъ народовъ Востока, которые поздно и непосредственно изъ первобытнаго состоянія вступили въ кругъ великихъ культурныхъ народовъ, и у которыхъ именно поэтому сохранились

Я не стану здѣсь разбирать древнѣйшую стадію развитія Греціи, микенскую эпоху, хотя полагаю, что уже здѣсь можно многое распознать отчетливо [1]). Но достовѣрность моей реконструкціи оспаривается, и полной картины дѣйствительно невозможно нарисовать. Укажу лишь на то, что памятники этого времени на первый взглядъ обнаруживають сильное восточное вліяніе, которое доказываетъ, что и здѣсь торговля съ самаго начала является однимъ изъ главныхъ средствъ распространенія и развитія культуры [2]).

Затѣмъ слѣдуетъ эпоха, которую я назвалъ греческимъ средневѣковьемъ,—эпоха владычества аристократіи, рыцарскихъ подвиговъ и героической пѣсни, когда землевладѣніе со скотоводствомъ и земледѣліемъ достигло полнаго развитія, когда вырабатывается форма городского государства, которое съ тѣхъ поръ остается типичнымъ представителемъ древней культуры.

свѣдѣнія также о первоначальныхъ стадіяхъ; таковые прежде всего евреи и затѣмъ, спустя полторы тысячи лѣтъ, арабы.

[1]) См. мою «Исторію древности», т. II.

[2]) Въ моей «Исторіи» я считалъ за посредниковъ, сообразно съ господствовавшими до сихъ поръ взглядами, финикіянъ. Но послѣ того, какъ Максъ Мюллеръ (Asien und Europa nach altägypt. Denkmälern, 1893) доказалъ, что кафты египетскихъ надписей, владѣвшіе искусствомъ, близкимъ къ микенскому, совершавшіе большія морскія путешествія и господствовавшіе надъ островами Средиземнаго моря, были не финикіянами, а жителями Малой Азіи, пожалуй даже Киликіи,—слѣдуетъ полагать, что процессъ перенесенія восточной культуры въ Грецію былъ сложнѣе, чѣмъ можно было до сихъ поръ думать, и что здѣсь найдено для него новое связующее звено.

Несмотря на сходство основныхъ чертъ, между отдѣльными областями этой эпохи существуютъ все-таки глубокія различія въ отношеніи политическаго и экономическаго строя, какъ онъ выработался частью изъ условій той отдаленной эпохи, когда населеніе еще не достигло полной осѣдлости, частью же изъ строя могущественнаго микенскаго царства. Въ Спартѣ и Критѣ, вмѣстѣ съ политическимъ равенствомъ всѣхъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе, которые всѣ живутъ въ центрѣ округа, и вмѣстѣ съ традиціонными общими обѣдами [1]) удержались по крайней мѣрѣ остатки древняго поземельнаго владѣнія военной общины; земля обрабатывается крѣпостными, принадлежащими скорѣе государству, чѣмъ отдѣльнымъ лицамъ; ихъ податями въ Критѣ покрываются расходы на сисситіи, т. е. общественные обѣды, тогда какъ въ Спартѣ, по первоначальному порядку, каждому полноправному гражданину и его семьѣ отводится земельный надѣлъ. Въ Іоніи и сосѣднихъ областяхъ, наоборотъ, вполнѣ развилось господство аристократіи. Здѣсь знатнымъ родамъ, богатство которыхъ заключается преимущественно въ огромныхъ стадахъ, принадлежитъ и бóльшая часть земли, воздѣлываемой арендаторами и поденными рабочими; вмѣстѣ съ формой городского государства здѣсь вполнѣ утвердилось аристократическое правленіе. Наоборотъ,

---

[1]) Въ моей «Исторіи» я пытался выяснить громадное значеніе порядка, по которому всѣ обѣды, соединенные съ убоемъ скота, происходили сообща, и исторію этого учрежденія въ позднѣйшее время.

въ другихъ частяхъ Греціи, напр. въ Аттикѣ, Беотіи и большей части Пелопоннеса, рядомъ съ городомъ сохранилась и деревня (часто дѣло вовсе еще и не дошло до образованія города), рядомъ съ крупнымъ землевладѣльцемъ—мелкій собственникъ, который, хотя не участвуетъ въ правленіи и подлежитъ суду благородныхъ, однако владѣетъ участкомъ земли и обрабатываетъ его самъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, наемными рабочими [1]) и собственными рабами [2]). Объ этомъ крестьянскомъ хозяйствѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало около 700 года до Р. Х. въ Беотіи, даетъ намъ ясное представленіе [3]) Гезіодъ въ своемъ стихотвореніи о работѣ [4]).

---

[1]) Гезіодъ, ор. 602, гдѣ дается совѣтъ искать холостыхъ рабочихъ (θής) и бездѣтныхъ работницъ; «работница (ἔριθος), кормящая грудью—обуза».

[2]) δμῶες, Гезіодъ ор. 459, 470, 502, 573, 597, 608. Но во всякой работѣ долженъ, конечно, принимать участіе и самъ крестьянинъ.

[3]) Здѣсь я могъ, конечно, намѣтить только основныя черты греческаго средневѣковаго строя, который я пытался подробно описать въ своей «Исторіи» (т. II) Такъ, организація родовыхъ союзовъ, несмотря на всю ея важность, здѣсь не могла быть разобрана.

[4]) Мнѣ много разъ случалось встрѣчать переводъ выраженія ἔργα καὶ ἡμέραι чрезъ «дневная работа». Кто такъ переводитъ, тотъ навѣрное никогда не видѣлъ этого стихотворенія. Оно состоитъ, какъ извѣстно, изъ двухъ частей, изъ которыхъ первая, содержащая указанія относительно того, какъ слѣдуетъ работать, чтобы обогатиться, принадлежитъ самому Гезіоду. (Онъ знаетъ и обсуждаетъ только два рода занятій, единственные, которые кажутся ему приличными: земледѣліе и мореплаваніе). Позднѣе къ этому трактату прибавилось приложеніе о «дняхъ»,

Въ эту эпоху, точное изображеніе которой сохранилось въ поэмахъ Гомера, автономное хозяйство отдѣльнаго дома дѣйствительно является основной экономической формой. На одной сторонѣ мы видимъ благородныхъ, крупныхъ землевладѣльцевъ, которые живутъ трудомъ своихъ подчиненныхъ и за то защищаютъ ихъ, съ другой—многочисленную, частью крѣпостную, частью же хотя свободную, но въ политическомъ отношеніи вполнѣ зависимую массу крестьянъ, арендаторовъ, поденщиковъ и нищихъ [1]). Въ хозяйствѣ знатнаго человѣка участвуетъ множество рабочихъ, которые работаютъ въ его имѣніяхъ, пасутъ его стада и исполняютъ все, что необходимо въ домашнемъ хозяйствѣ: ткутъ, прядутъ, пекутъ хлѣбъ, закалываютъ скотъ и т. д. Правда, купленныхъ рабовъ въ гомеровскую эпоху еще немного, но тѣмъ больше количество крѣпостныхъ слугъ и плѣнныхъ, похищенныхъ, купленныхъ невольницъ. Это—тотъ порядокъ вещей, который складывается всюду, гдѣ сельское хозяйство играетъ господствующую роль въ

т. е. о хорошемъ или дурномъ значеніи каждаго дня въ мѣсяцѣ, иначе говоря,—о выборѣ дней, а затѣмъ еще ὀρνιθομάντεια, т. е. руководство для предсказаній по полету птицъ. Эта часть была отвергнута древними критиками и потому не сохранилась.

[1]) Въ обществѣ, подобномъ гомеровскому, нищенство является настоящей профессіей, составляющей для человѣка источникъ пропитанія: «горшечникъ сердится на горшечника, плотникъ на плотника, нищій завидуетъ нищему и пѣвецъ пѣвцу» (Гезіодъ, ор. 25), т. е. каждый завидуетъ товарищу по профессіи и смотритъ на него, какъ на соперника, отбивающаго у него хлѣбъ. См. у Гомера изображенія Ироса и переодѣтаго нищимъ Одиссея.

жизни народа, и который понынѣ существуетъ въ деревняхъ, куда еще не проникла индустрія. И въ наши дни крестьянинъ со своими рабочими самъ дѣлаетъ все, что можетъ: печетъ хлѣбъ, рѣжетъ скотъ, ткетъ, прядетъ, исполняетъ простыя столярныя и строительныя работы и т. д., а гдѣ его силъ недостаточно, тамъ помогаетъ сосѣдъ [1]). Однако составъ общества временъ Гомера не исчерпывается противоположностью между крупными землевладѣльцами и мелкими крестьянами, крѣпостными и поденщиками. Какъ и у насъ, каждая деревня въ гомеровскую эпоху имѣетъ своихъ ремесленниковъ.

Самыми древними ремесленниками являются кузнецы-литейщики—χαλκεῖς; если ихъ ремесло и не такъ старо, какъ изобрѣтеніе литейнаго искусства, то оно все-таки появилось уже въ то время, когда техника послѣдняго усовершенствовалась и стала требовать спеціальной снаровки [2]). Поэтому кузнецы имѣютъ и представителя среди олимпійскихъ боговъ — Гефеста. Онъ хромъ, потому что кузнецы большей частью хромы. Дѣло въ томъ, что при первобытныхъ условіяхъ вы-

[1]) Гезіодъ неоднократно совѣтуетъ помогать сосѣду, гдѣ возможно (потому что хорошій сосѣдъ—большая выгода), но никогда не полагаться на его помощь. «Легко сказать: займи мнѣ пару воловъ и повозку; но легко и отказать: у воловъ есть своя работа» (ор. 453 сл.).

[2]) Въ Гомеровскую эпоху кузница, какъ и «леcха», служитъ общественнымъ клубомъ, куда сходятся сосѣди для бесѣдъ, особенно въ зимнее время, когда каждый ищетъ огня, чтобы погрѣться. Здѣсь-же нищіе находятъ и пріютъ на ночь. См. Od. σ 328; Гезіодъ, ор. 493.

боръ рода занятій въ значительной степени зависитъ отъ физическихъ свойствъ даннаго лица: слѣпой становится пѣвцомъ, хромой, обладающій здоровымъ тѣломъ, не можетъ обрабатывать землю и пасти скотъ, но хорошо управляется съ молотомъ и мѣхами. Затѣмъ слѣдуетъ обширное сословіе артистовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова — музыкантовъ, танцоровъ, паяцовъ, пѣвцовъ,—достигающее высшаго развитія, когда знатные люди во время празднествъ, правда, еще подвизаются на поприщѣ этихъ искусствъ, но въ обыкновенное время находятъ болѣе занимательнымъ и удобнымъ сидѣть за кубками и заставлять другихъ пѣть и танцовать передъ собою и своими гостями. Эти три сословія мы встрѣчаемъ уже въ древнѣйшемъ еврейскомъ сказаніи о распространеніи человѣческаго рода [1]) (Быт. 4). Здѣсь у Ламеха, прародителя людей, есть три сына: Явалъ, «пращуръ живущихъ въ шатрахъ со стадами», т. е. большей части членовъ племени, — тѣхъ, которые живутъ самостоятельнымъ хозяйствомъ; Ювалъ, «отецъ всѣхъ играющихъ на гусляхъ и свирѣли», и Тувалкаинъ, «ковачъ всѣхъ орудій изъ мѣди и желѣза». Къ этимъ первымъ ремесленникамъ съ развитіемъ цивилизаціи присоединяются все новые. Рядомъ съ литейщиками, χαλκεῖς, появляются гончары, κεραμεῖς, изготовляющіе изъ глины подражанія дорогимъ металлическимъ издѣліямъ; къ нимъ примы-

[1]) Сказаніе о потопѣ и происхожденіи людей отъ Ноя и его сыновей есть, какъ извѣстно, позднѣйшая вставка.

каютъ дѣйствительные художники, работающіе изъ камня, глины и металла: далѣе слѣдуютъ τεκτῶν δούρων, плотникъ, строющій дома для людей и боговъ, плуги (Гезіодъ, op. 430) и корабли; μάντις, толкующій полетъ птицъ и другія предзнаменованія, а позже и жертвенныя примѣты, — лицо, необходимое для каждой общины и для каждаго властителя, какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время; врачъ; κῆρυξ, общественный глашатай и служитель. Всѣ эти люди — δημιουργοί, т. е. они работаютъ для членовъ общины, а не для самихъ себя [1]); они лично свободны, но не считаются полноправными; они стоятъ ниже полноправныхъ членовъ общины, мелкихъ крестьянъ. Часто они не имѣютъ осѣдлости, а переходятъ съ мѣста на мѣсто; если ихъ имя пользуется извѣстностью, то нерѣдко ихъ приглашаютъ издалека. «Кто станетъ звать къ себѣ въ домъ чужеземца», говоритъ Эвмей въ Одиссеѣ (ρ 382), «развѣ только ремесленника, прорицателя, врача, плотника или наконецъ пѣвца, услаждающаго своими пѣснями?»

Однако общины не могутъ удовлетвориться этой замкнутой жизнью; потребность въ дорогихъ товарахъ и художественныхъ произведеніяхъ другихъ странъ сказывается во всѣ времена. Совершенно вѣрно, что всѣ эти предметы добываются преимущественно грабежомъ, точно такъ-же, какъ, напримѣръ, рабы и рабыни; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ

[1]) Въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи слово δημιουργός имѣетъ, рядомъ съ значеніемъ «ремесленникъ», еще и совершенно другое: «человѣкъ, вѣдающій общественныя дѣла», т. е. магистратъ.

Грецію пріѣзжаютъ чужестранные купцы, особенно финикіяне, да и сами греки начинаютъ въ качествѣ купцовъ и мореплавателей совершать путешествія въ далекія страны и закупать чужіе товары. Въ позднѣйшемъ эпосѣ — особенно въ Одиссеѣ — морская торговля является уже вполнѣ установившеюся; торговыя поѣздки въ Египетъ и Финикію не кажутся ему чѣмъ-либо необыкновеннымъ и исключительнымъ [1]). Обыкновенно «капитана корабля и купца, заботящагося о своемъ грузѣ и стремящагося къ товарамъ и быстрой наживѣ» (Одиссея, θ 161) гомеровское общество не считаетъ равнымъ себѣ, но и благородные не стѣсняются принимать участіе въ подобныхъ предпріятіяхъ — напримѣръ, Менелай и Одиссей. Во времена Гезіода морская торговля проникла уже въ Беотію, хотя послѣдняя по своимъ естественнымъ свойствамъ является чисто-земледѣльческой страной. Гезіодъ принужденъ допустить рядомъ съ земледѣліемъ еще одно приличное для благороднаго человѣка занятіе — плаваніе съ нагруженнымъ кораблемъ, и признать, что оно можетъ приносить большой доходъ, хотя ему лично оно крайне несимпатично; онъ только

[1]) При пользованіи Одиссеей не слѣдуетъ смущаться тѣмъ обстоятельствомъ, что героямъ Троянской войны приходится преодолѣвать при ихъ морскихъ путешествіяхъ всевозможныя затрудненія и опасности. Эта черта принадлежитъ миѳу и была обязательна для поэта. Сами пѣвцы, повидимому, вполнѣ свыклись съ моремъ и переѣздъ черезъ Эгейское море представляется имъ обычнымъ и вовсе не опаснымъ дѣломъ. Напротивъ, Гезіодъ, какъ крестьянинъ, привыкшій къ твердой землѣ, чувствуетъ сильнѣйшее отвращеніе къ морскимъ путешествіямъ.

совѣтуетъ не все нагружать на одинъ корабль, а больше оставлять дома, чтобы въ случаѣ кораблекрушенія не лишиться всего имущества.

Начиная съ восьмого столѣтія морская торговля Греціи быстро развивается. Это—эпоха колонизаціи, когда эллины заселяютъ всѣ побережья Средиземнаго моря отъ Кавказа и Крыма до Сициліи и Кампаніи. Въ это время развиваются оживленныя торговыя сношенія съ мѣстными племенами, со скиѳами Южной Россіи, съ ѳракійцами, туземцами Малой Азіи, съ ливійцами, италійскими племенами, особенно латинами и этрусками, и интенсивность этого торговаго движенія подтверждается не только литературными данными, но и болѣе конкретно—многочисленными экспортированными предметами, найденными при раскопкахъ, а также глубокимъ вліяніемъ греческой культуры на туземное населеніе. Сношенія съ Востокомъ также становятся все болѣе тѣсными; около 650 г. Египетъ открывается для греческихъ наемниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для греческихъ купцовъ; при Амазисѣ (569—525) всѣ греческіе торговые города принимаютъ участіе въ основаніи важнаго портоваго города Навкратиса въ западной Дельтѣ и строятъ себѣ здѣсь факторіи и святилища. Греческій купецъ проникаетъ даже въ древніе центры восточной торговли и успѣшно конкуррируетъ съ финикіянами и сирійцами въ ихъ собственномъ отечествѣ [1]), такъ-же, какъ и въ западномъ

[1]) Характерно, что въ Киликіи, гдѣ греки, начиная съ седьмого столѣтія, основали немало факторій и колоній, арамейскій

морѣ, гдѣ къ концу седьмого вѣка фокейцы распространяютъ свои торговыя операціи до южной Испаніи (Тартесъ) и открываютъ устья По и Роны.

Открытіе такого огромнаго района и торговое, а часто и политическое господство надъ нимъ заставляютъ предполагать существованіе производства товаровъ. При малыхъ размѣрахъ и бѣдности греческой страны, естественные продукты могли составлять только часть вывозимыхъ товаровъ; таковы: масло изъ Аттики, вино съ Хіоса, Наксоса, Лесбоса и Ѳасоса, земледѣльческіе продукты изъ Мегары и Беотіи, пурпуръ изъ Киѳеры и многихъ другихъ прибрежныхъ мѣстностей Греціи и Малой Азіи, мѣдь съ Эвбеи и Кипра, серебро изъ лаврійскихъ рудниковъ въ Аттикѣ, золото съ Ѳасоса и противолежащихъ Пангейскихъ горъ, желѣзо изъ Лаконіи, тунецъ изъ Византіи и т. д. Гораздо бо́льшую роль играютъ искусственные продукты: въ Греціи развивается промышленность, работающая для вывоза. Такъ, жители Милета выдѣлываютъ главнымъ образомъ шерстяныя ткани, пурпурную одежду и ковры, которые они черезъ Сибарисъ отправляютъ въ Италію, особенно къ этрускамъ; съ ними соперничаютъ Хіосъ и Самосъ.

языкъ — оффиціальный языкъ западныхъ провинцій персидской монархіи—въ эпоху владычества персовъ все болѣе и болѣе вытѣсняется на монетахъ греческимъ. Еще гораздо дальше проникаетъ, конечно, греческое искусство рѣзьбы печатей и употребленіе греческихъ изображеній на монетахъ, которое, несмотря на ожесточенное сопротивленіе, укореняется, напримѣръ въ Карѳагенѣ.

Металлическими издѣліями, оружіемъ, сосудами, предметами украшенія славятся преимущественно Коринѳъ, Халкида и Аргосъ. Изъ Кирены, Ѳивъ и Сициліи получались лучшія колесницы; Эгина производила главнымъ образомъ мелочные и галантерейные товары, мази и пр. Важное значеніе имѣли глиняныя издѣлія, особенно вазы, украшавшіяся первоначально геометрическимъ и растительнымъ орнаментомъ, а позднѣе сценами изъ жизни и миѳологіи. Эти вазы употреблялись частью какъ сосуды для вывоза масла, вина, мазей и т. п., частью (лучшіе экземпляры)—въ качествѣ домашней утвари; самыя дорогія изъ нихъ, очевидно, искони служили предметомъ роскоши и ими пользовались развѣ только въ исключительныхъ торжественныхъ случаяхъ. Съ ихъ помощью мы можемъ еще теперь прослѣдить конкурренцію отдѣльныхъ фабрикъ и различныя стадіи въ исторіи торговли [1]). Во всѣхъ крупныхъ центрахъ греческаго міра развивается мѣстное глиняное производство съ мѣстнымъже стилемъ украшеній, которое старается пріобрѣсти для себя внѣшніе рынки. Таковы Эолія, Іонія, Родосъ и Кирена; но первое мѣсто принадлежитъ Халкидѣ и

[1]) Мы еще не всегда можемъ сказать съ увѣренностью, сами-ли фабриканты вывозили свои глиняныя издѣлія, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ посредниками при экспортѣ служили торговые города, какъ Эгина. А что мѣстная промышленность маленькихъ общинъ, какъ въ Греціи, такъ и въ Италіи, старалась поддѣлывать иностранные товары, особенно вазы, и такимъ образомъ ввозъ во многихъ пунктахъ вызывалъ мѣстную конкурренцію, объ этомъ едва-ли нужно говорить.

Коринѳу, снабжавшимъ глиняными сосудами всю Италію и Сицилію. Съ начала шестого вѣка все замѣтнѣе становится конкурренція Аѳинъ, и благодаря превосходству своихъ издѣлій и талантливости художниковъ, расписывавшихъ вазы, онѣ отнимаютъ у своихъ старшихъ соперниковъ одинъ рынокъ за другимъ. Такимъ образомъ онѣ завоевали въ концѣ концовъ почти всю Италію и пріобрѣли обширный рынокъ на сѣверномъ берегу Понта. Ввозились въ Грецію всевозможные сырые продукты, затѣмъ рабы, преимущественно съ береговъ Понта и изъ Ѳракіи, но также изъ Малой Азіи и Сиріи. Востокъ вывозитъ въ Грецію продукты своей промышленности, которая въ нѣкоторыхъ отрасляхъ еще далеко превосходитъ греческую, Италія—необработанную мѣдь: уже въ одномъ изъ позднѣйшихъ мѣстъ Одиссеи говорится о царѣ Тофировъ—Ментесѣ, везущемъ въ Италію грузъ желѣза, чтобы обмѣнять его на мѣдь изъ Темезы (Темпсы) (α 184). Далѣе, въ Этруріи литейное дѣло съ самаго начала развивалось совершенно самостоятельно: этрусскія мѣдныя чаши, оружіе и домашняя утварь высоко цѣнились въ Греціи даже въ эпоху расцвѣта Аѳинъ (Critias, Eleg. 1, 8). Но самымъ важнымъ предметомъ ввоза былъ хлѣбъ, ибо чѣмъ болѣе возростало благодаря культурному расцвѣту количество населенія, тѣмъ болѣе, при малыхъ размѣрахъ плодородной земли въ Греціи, не только чисто промышленныя мѣстности, но и такія страны, какъ Аттика, нуждались въ привозномъ хлѣбѣ. Уже Солонъ запре-

тилъ вывозъ всѣхъ полевыхъ продуктовъ, кромѣ масла а это доказываетъ, что уже въ тѣ времена Аттикѣ хватало своего хлѣба только при очень обильномъ урожаѣ (Plut. Sol. 24). Важнѣйшими хлѣбными странами являются южная Италія и Сицилія, гдѣ цвѣтущія греческія общины владѣютъ обширными участками пахотной земли, воздѣлываемыми порабощеннымъ туземнымъ населеніемъ, а также житница Европы — сѣверное побережье Чернаго моря и особенно Крымъ. Переправляясь черезъ Геллеспонтъ, Ксерксъ встрѣчаетъ корабли, везущіе понтійскій хлѣбъ въ Эгину и Пелопоннесъ (Гер. VII, 147), и уже за сто лѣтъ до этого первымъ внѣшнимъ предпріятіемъ Аѳинъ, когда онѣ дѣлали только первые шаги къ тому, чтобы завоевать себѣ мѣсто въ греческой торговлѣ, была попытка укрѣпиться у устья геллеспонтскаго торговаго пути, въ Сигеѣ [1]).

Результатомъ этого развитія былъ коренной переворотъ въ условіяхъ гомеровскаго времени. Новая промышленность и вообще все производство для торго-

[1]) Этотъ очеркъ конечно далеко не исчерпываетъ матеріала. Для подробностей см. извѣстные труды Büchsenschütz'a, *Besitz und Erwerb im griech. Altertum*, 1869, и *Die Hauptstätten des Gewerbfleisses im klass. Altertum* («Preisschriften der Jablonowskischen Ges.». XIV, 1869) и Blümner'a *Technologie der Griechen und Römer* (также въ его новой обработкѣ отдѣла о частныхъ древностяхъ въ *Griechische Antiquitäten* Hermann'a т. IV). Ни одно изъ этихъ произведеній не даетъ картины исторической эволюціи, а только систематическій сводъ матеріала изъ всѣхъ періодовъ. Такой способъ изученія древности, къ сожалѣкію, очень распространенъ и въ политико-экономическихъ сочиненіяхъ, но историки должны энергично бороться противъ него-

выхъ цѣлей, напримѣръ винодѣліе, овцеводство и др., требуютъ большого числа рабочихъ рукъ. Естественный приростъ населенія не удовлетворяетъ этому спросу, тѣмъ болѣе, что излишекъ населенія ежегодно отливаетъ изъ тѣсной родины въ колоніи, чтобы здѣсь пріобрѣсти участокъ земли или инымъ образомъ обогатиться; притомъ, крестьяне и мелкіе городскіе ремесленники мало склонны, да и мало способны къ фабричному труду. Вслѣдствіе этого теперь развивается ввозъ рабовъ, постоянно возростающій соразмѣрно съ развитіемъ и распространеніемъ промышленности и торговли. Первыми, кто сталъ въ значительномъ количествѣ ввозить изъ чужихъ странъ купленныхъ за деньги рабовъ (ἀργορώνητοι, не имѣющихъ ничего общаго съ крѣпостными и рабами-землепашцами прежнихъ временъ), преданіе называетъ хіотовъ; но и Милетъ, Коринѳъ, Эгина, Халкида и остальные торговые города не могли обходиться безъ рабовъ, и ихъ число здѣсь все возростаетъ, часто далеко превосходя число свободныхъ жителей.

Вмѣстѣ съ торговлей въ Грецію проникаютъ денежное обращеніе и денежное хозяйство. Въ гомеровское время товары просто обмѣнивались одинъ на другой, какъ въ Египтѣ, и за мѣрило цѣнности принимался рогатый скотъ и овцы, какъ въ древнемъ Римѣ (pecunia), да изрѣдка, можетъ быть, еще драгоцѣнные мѣдные сосуды, а въ позднѣйшую эпоху — также слитки мѣди [1]) или желѣза,

[1]) То-же было повсюду и въ Италіи; отсюда заключеніе манципаціонной сдѣлки per aes et libram.

иногда золота и серебра. Теперь, вмѣстѣ съ восточными мѣрой и вѣсомъ, проникаетъ въ Грецію и восточный способъ обмѣна; благородные металлы, свѣшиваемые въ опредѣленномъ отношеніи цѣнности (золото: электронъ: серебро = $13\frac{1}{3} : 10 : 1$) по единицамъ вѣсовой системы, становятся господствующими мѣрилами цѣнности, единственными посредниками въ торговлѣ; всѣ товары сравниваются съ ними и обмѣниваются одинъ на другой сообразно своей денежной стоимости. На границѣ греческаго и восточнаго міра, въ Лидіи, служившіе деньгами благородные металлы получили въ седьмомъ вѣкѣ ту форму, которую сохранили и понынѣ: форму монеты, т. е. единицы опредѣленнаго вѣса, выпущенной за поручительствомъ государства, въ формѣ удобной для обращенія. Изъ Лидіи монета быстро распространилась по всему греческому міру и Италіи, а потомъ—гораздо медленнѣе—и въ восточныхъ культурныхъ странахъ персидской монархіи.

Благодаря появленію денегъ и развитію общей торговли, обнимающей всѣ государства и страны, кореннымъ образомъ измѣняются и соціальныя и экономическія условія; отсюда возникаетъ соціальный кризисъ седьмого и шестого вѣковъ,—то революціонное движеніе, которое приводитъ къ уничтоженію владычества аристократіи [1]). Мнѣ нѣтъ надобности подробно объяснять

[1]) О духовныхъ факторахъ, которые, въ тѣснѣйшемъ взаимодѣйствіи съ матеріальными, способствовали разрушенію средневѣковыхъ условій и нарожденію новаго строя, здѣсь, конечно, не мѣсто говорить. Подробно изобразить этотъ процессъ я попытался во второмъ томѣ моей «Gesch. d. Alt.».

здѣсь, какъ, благодаря вторженію денежнаго хозяйства, расшатываются старыя патріархальныя отношенія, какъ крестьянинъ запутывается въ долгахъ и разоряется, какъ капиталистическіе взгляды проникаютъ въ крупное землевладѣніе. Крестьянинъ уже не можетъ обмѣнивать производимыхъ имъ продуктовъ на тѣ, которые ему нужны, явился посредникъ—деньги, и рыночныя цѣны зависятъ отъ положенія крупной торговли, отъ ввоза заморскихъ продуктовъ. Для того, чтобы пріобрѣсти одежду и жизненные припасы, чтобы пополнить свой инвентарь, чтобы прокормить себя и свою семью въ неурожайные годы, онъ долженъ имѣть деньги, а такъ какъ у него ихъ нѣтъ, то онъ занимаетъ ихъ подъ ростовщическіе проценты и затѣмъ, въ случаѣ несостоятельности, онъ самъ, его семья и имущество подпадаютъ всей строгости неумолимаго долгового права. Той-же опасности подвергается и поручитель: «поручись — и ты въ несчастіи» (ἐγγύα, παρὰ δ᾽ ἄτα) гласитъ изреченіе мудраго спартанца Хилона. Но не въ лучшемъ положеніи находится и крупный землевладѣлецъ. Не одно лишь корыстолюбіе, стремленіе къ наслажденіямъ, роскоши и бездѣлію побуждаютъ его неумолимо взыскивать арендную плату, продавать въ рабство своихъ неисправныхъ должниковъ, округлять свои владѣнія путемъ покупокъ, насилія и обхода законовъ, вытѣснять свободныхъ крестьянъ съ ихъ участковъ: и ему нужно все больше и больше денегъ, чтобы при измѣнившихся условіяхъ сохранять то положеніе въ обществѣ, которое

соотвѣтствуетъ его сословному рангу. Цѣнность произведеній сельскаго хозяйства все уменьшается, частью потому, что ввозъ понижаетъ цѣны, частью потому, что новые промыслы даютъ гораздо бо́льшую прибыль и потому жизнь становится все дороже, а деньги все дешевле [1]). Поэтому естественно, что и благородные начинаютъ принимать участіе въ торговлѣ и мореплаваніи и отправляться въ чужія страны въ качествѣ купцовъ, какъ Медонтидъ Солонъ изъ Аѳинъ,—что въ торговыхъ городахъ возникаетъ купеческая аристократія, тогда какъ земледѣліе часто приходитъ въ совершенный упадокъ. Именно потому, что деньги еще сравнительно рѣдки, стремленіе къ нимъ тѣмъ сильнѣе. «Деньги дѣлаютъ человѣка» (χρήματ' ἀνήρ) — вотъ лозунгъ этого вѣка. Въ литературѣ этой эпохи, въ лирикѣ, мы на каждомъ шагу встрѣчаемъ эту неутомимую, не знающую отдыха погоню за деньгами и наслажденіями, какъ отличительный признакъ времени; противоположность ей составляютъ разумная умѣренность и просвѣщенная житейская мудрость, которую проповѣдуютъ лирики и осуществляютъ въ жизни великіе государственные люди—семь мудрецовъ.

Тотъ-же кризисъ пережили—позднѣе, въ пятомъ и четвертомъ вѣкѣ, Римъ, а немного ранѣе, въ девятомъ и восьмомъ,—израильтяне. И у послѣднихъ онъ, въ

[1]) Колоссальное паденіе цѣнности денегъ въ періодъ времени отъ Солона до Пелопоннесской войны и далѣе до Александра всѣмъ извѣстно и не требуетъ подтвержденій. Ср., напримѣръ, Плут. Солонъ, 23.

связи съ обусловленнымъ міровыми отношеніями политическимъ положеніемъ государства, вызвалъ глубокое движеніе, представителями котораго являются пророки. Богатые и могущественные насилуютъ законъ, притѣсняютъ вдовъ и сиротъ, доступны подкупу и безъ устали стремятся къ прибыли и наживѣ, продаютъ бѣдняка за пару башмаковъ (за которые онъ не въ состояніи заплатить) и роскошествуютъ неправеднымъ богатствомъ: все это, вмѣстѣ съ забвеніемъ истиннаго Бога и служеніемъ чужимъ богамъ, составляетъ тотъ тяжкій грѣхъ народа, въ которомъ упрекаютъ его пророки и который навлекаетъ на него законную кару. Пророки созданы аналогичными условіями и играютъ ту-же роль, что и греческіе лирики и семь мудрецовъ, съ тою лишь разницей, что у израильтянъ, въ противоположность Греціи, движеніе, кореннымъ образомъ преобразующее народъ, имѣетъ ясно выраженный религіозный характеръ и потому завершается созданіемъ новой религіи.

Благодаря развитію торговли и промышленности, между благородными и крестьянами появляется новое сословіе городскихъ промышленниковъ—торговцевъ, купцовъ, матросовъ и вообще тѣхъ свободныхъ работниковъ, которые заняты въ новыхъ отрасляхъ производства. Въ союзѣ съ крестьянами они свергли владычество знати и на ея мѣсто поставили буржуазію.

Характерная черта греческой цивилизаціи, въ отличіе отъ современной, заключается, какъ уже было сказано, въ томъ, что вся политическая жизнь сосредо-

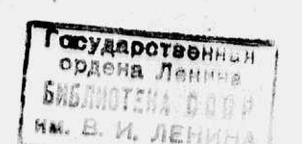
точивается въ городѣ. Этимъ самымъ обусловливается дробленіе націи на безчисленныя мелкія государства. Поэтому для грека понятіе города и государства, горожанина и гражданина совпадаютъ; еще Аристотель не можетъ себѣ представить государство иначе, какъ въ формѣ города. До сихъ поръ городское государство — кромѣ нѣкоторыхъ отсталыхъ мѣстностей, гдѣ удержалась болѣе древняя форма областного государства — сохраняло свою первоначальную, наиболѣе рѣзкую форму — владычества городского населенія съ аристократіей во главѣ надъ политически зависимымъ сельскимъ населеніемъ. Теперь сельское населеніе эмансипируется, понятіе гражданства распространяется на всѣхъ жителей данной области — напримѣръ, всѣ жители Аттики становятся аѳинянами, гражданами Аѳинъ, понятія Аѳинъ и Аттики съ этихъ поръ политически тождественны, — для всѣхъ создается одно общее, болѣе или менѣе соотвѣтствующее новымъ условіямъ право, отмѣняющее, напримѣръ, порабощеніе несостоятельныхъ должниковъ точно такъ-же, какъ и произвольную кровную месть, ведущее энергичную борьбу противъ роскошной и безнравственной жизни аристократіи и ея любви къ блеску, устраняющее привилегіи знати и произволъ чиновниковъ. Сюда часто присоединяются тяжелые экономическіе кризисы, которые влекутъ за собой прощеніе долговъ, конфискацію имуществъ, изгнаніе аристократовъ и раздѣлъ ихъ земли между бѣднѣйшимъ населеніемъ, подчасъ даже захватъ единоличной власти. Результатомъ этого про-

цесса являются повсюду, гдѣ старый строй не поддерживается искусственнымъ образомъ, какъ въ Спартѣ, или гдѣ не овладѣваетъ властью реакціонная партія, превращеніе патріархальнаго государства въ правовое государство съ твердыми писанными законами, которымъ подчинены чиновники, — суверенитетъ гражданской общины, избирающей и контролирующей чиновниковъ и рѣшающей въ послѣдней инстанціи важнѣйшіе политическіе вопросы, а часто и судебныя дѣла, — равенство всѣхъ передъ закономъ, — отмѣна всѣхъ наслѣдственныхъ привилегій [1]) и распредѣленіе финансовыхъ и военныхъ повинностей, а до поры-до времени еще и политическихъ преимуществъ (какъ напримѣръ, права быть избраннымъ въ различныя должности, въ совѣтъ, въ судъ) сообразно съ экономической силой каждаго [2]).

Мы не можемъ долго останавливаться на политическомъ развитіи. Экономическія условія обнаруживаютъ

[1]) За исключеніемъ нѣкоторыхъ почетныхъ привилегій преимущественно религіознаго свойства.

[2]) Входить въ разсмотрѣніе военныхъ условій, игравшихъ большую роль въ этомъ развитіи, здѣсь не мѣсто. Представителями такъ называемой умѣренной демократіи были ὅπλα παρέχοντες, гражданское войско, состоявшее изъ тяжело-вооруженныхъ копьеносцевъ, которые вооружались на собственныя средства и сражались сомкнутой фалангой. Всадники и сражавшіеся на колесницахъ воины временъ господства знати утратили свое значеніе или совершенно исчезли; неимущая масса, ѳеты солоновскаго строя, привлекается на службу только какъ вспомогательное войско (большею частью въ качествѣ легко-вооруженныхъ); набранные изъ ихъ среды гоплиты вооружаются на счетъ государства.

значительное разнообразіе: въ глубинѣ полуострова и въ тѣхъ областяхъ западной Греціи, которыя лежали въ сторонѣ отъ большихъ торговыхъ путей, новыя условія сказываются только медленно и несовершенно; напротивъ, на берегахъ Эгейскаго моря мы всюду находимъ чисто торговые и промышленные города [1]). Типичнымъ примѣромъ можетъ служить Эгина, маленькій, скалистый и безплодный островъ въ серединѣ Сароническаго залива, устроившій себѣ искусственную гавань и сдѣлавшійся въ шестомъ вѣкѣ, благодаря своему выгодному положенію, чуть-ли не важнѣйшимъ торговымъ портомъ греческаго міра. Ея корабли плаваютъ по всѣмъ морямъ, ея купцы наживаютъ баснословныя богатства [2]). Помимо торговаго флота, она владѣетъ и сильной военной эскадрой [3]). На островѣ, который теперь, какъ и въ позднѣйшую пору древности, прокармливаетъ

¹) Къ сожалѣнію, невозможно рѣшить въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ какой степени слѣдуетъ и слѣдуетъ-ли вообще отличать торговые города отъ промышленныхъ. Извѣстно, что нѣкоторые порты получали гораздо бо̀льшую прибыль отъ перепродажи чужихъ товаровъ, чѣмъ отъ торговли мѣстными произведеніями.

²) Самый богатый купецъ, котораго знаетъ Геродотъ,—эгинянинъ Сострать, сынъ Лаодама; вторымъ онъ называетъ Колая самосскаго, совершившаго первое путешествіе въ Тартессъ (IV, 152). Далѣе (IX, 80) Геродотъ сообщаетъ анекдотъ о происхожденіи богатства эгинянъ.

³) Къ 30 тріэрамъ, сражавшимся при Саламинѣ, нужно прибавить тѣ, которые остались для прикрытія самаго острова на случай нападенія (Герод. VIII, 46). Въ 459 г. аѳиняне въ морской битвѣ отнимаютъ у эгинянъ и ихъ союзниковъ 70 кораблей и затѣмъ, послѣ покоренія острова, заставляютъ ихъ выдать себѣ остальные военные корабли (Ѳукид. I, 105, 108).

всего нѣсколько тысячъ жителей (въ 1879 году—6,100), развивается оживленная промышленность, дающая работу огромному количеству рабовъ (см. ниже). Но еще гораздо бо̀льшую прибыль получаютъ эгиняне очевидно отъ торговли чужими товарами и иностраннымъ зерномъ. Съ Коринѳомъ, ближайшимъ большимъ торговымъ городомъ, Эгина находится въ самой ожесточенной враждѣ; но надъ всѣмъ остальнымъ Пелопоннесомъ она властвуетъ въ торговомъ отношеніи: здѣсь вездѣ приняты эгинскія мѣры и эгинская денежная система, распространенная также и въ средней Греціи и на островахъ, тогда какъ Коринѳъ, опираясь на Халкиду, развиваетъ собственную монетную систему. Характерно, что Корцира завершаетъ свое отложеніе отъ Коринѳа принятіемъ эгинской валюты. Въ древнѣйшее время и Аттика находилась въ торговой зависимости отъ Эгины. Первымъ шагомъ къ ея эмансипаціи является введеніе Солономъ халкидскихъ мѣръ и цѣнъ вмѣсто эгинскихъ. Затѣмъ въ концѣ шестого столѣтія начинается ожесточенная борьба между обоими государствами, въ которой Коринѳъ сначала дѣятельно поддерживаетъ Аѳины, пока онѣ переростаютъ и его. Борьба оканчивается разрушеніемъ Эгины.

Аналогичныя условія мы встрѣчаемъ во многихъ іонійскихъ городахъ, гдѣ поземельная собственность находится въ полномъ упадкѣ [1]). Установленіе тираніи неразъ

¹) Характеренъ для этого разсказъ Геродота о томъ, какъ милетяне въ 540 г., послѣ смутъ тираніи и войнъ съ лидянами, когда значеніе Милета уже начало падать, обратились къ Па-

представляетъ собою попытку соединить оба направленія: поддержать самостоятельность сельскаго хозяйства, и въ тоже время способствовать развитію торговли и внѣшняго могущества. Такъ, Кипселъ и Періандръ коринѳскіе были основателями огромной колоніальной державы Коринѳа; но вмѣстѣ съ тѣмъ они старались поднять мелкое землевладѣніе; конфискація помѣстій изгнанныхъ аристократовъ давала имъ возможность надѣлять землею безземельныхъ; они противодѣйствуютъ стремленію сельскаго населенія въ городъ и запрещаютъ крестьянамъ переселяться въ городъ, возбраняютъ покупку рабовъ и требуютъ, чтобы каждый гражданинъ самъ работалъ и не издерживалъ больше, чѣмъ получаетъ дохода. Подобныя мѣры не могутъ держаться долго, особенно въ такой маленькой и неплодородной странѣ, какъ коринѳская область. Послѣ паденія тираніи Коринѳъ становится вполнѣ торговымъ и промышленнымъ городомъ, въ которомъ работаетъ большое число рабовъ, да и большинство гражданъ живетъ промышленностью. «Въ то время, какъ варвары и греки—изъ послѣднихъ особенно лакедемоняне—вообще смотрятъ съ пренебреженіемъ на ремесленниковъ, въ Ко-

---

росу съ просьбою объ умиротвореніи ихъ города. Паросцы отправили въ качествѣ посредниковъ своихъ лучшихъ мужей. «Прибывъ въ Милетъ, они нашли дома (т. е. наслѣдственное имущество отдѣльныхъ семействъ) въ самомъ плачевномъ состояніи. Тогда они обошли всю милетскую область и, гдѣ находили въ разоренной странѣ хорошо обработанный участокъ земли, то записывали имя его владѣльца. Они нашли во всей странѣ немного такихъ, и этимъ они передали правленіе» (Герод. V, 29).

ринѳѣ менѣе всего презираютъ ремесленниковъ» говоритъ Геродотъ (II, 167. ἥκιστα δὲ Κορίνθιοι ὄνονται τοὺς χειροτέχνας). Въ Аѳинахъ политика Писистратидовъ преслѣдовала тѣ же цѣли, какъ и политика коринѳскихъ тирановъ, и едва-ли съ лучшимъ успѣхомъ. Правда, здѣсь размѣры страны и развитіе культуры оливокъ, доставляющей цѣнный и вывозимый въ большихъ количествахъ сельско-хозяйственный продуктъ, препятствуютъ полному упадку земледѣлія, однако и здѣсь перевѣсъ все болѣе склоняется на сторону коммерческихъ интересовъ столичнаго населенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Ѳемистоклъ создалъ аѳинскій флотъ и борьба съ персами доставила Аѳинамъ владычество надъ берегами и островами Эгейскаго моря, аѳинская политика вполнѣ подчиняется интересамъ торговли, стремящейся охватить весь греческій міръ, уничтожить соперниковъ, подчинить себѣ все новыя и новыя страны, до Италіи и Сициліи, даже до Карѳагена. Для того, чтобы сохранить и расширить свое морское могущество, Аѳины не останавливаются передъ рискомъ огромной войны, въ которой беззащитная страна подвергается всѣмъ ужасамъ непріятельскихъ нашествій. Всѣ попытки сельскаго населенія отстоять свои діаметрально противоположные интересы имѣютъ лишь мимолетный успѣхъ.

Теперь ясно, насколько ошибочна картина экономическаго развитія древности, нарисованная Бюхеромъ. Седьмое и шестое столѣтія въ греческой исторіи соотвѣтствуютъ въ развитіи новаго времени четырнадцатому

представляетъ собою попытку соединить оба направленія: поддержать самостоятельность сельскаго хозяйства, и въ тоже время способствовать развитію торговли и внѣшняго могущества. Такъ, Кипселъ и Періандръ коринѳскіе были основателями огромной колоніальной державы Коринѳа; но вмѣстѣ съ тѣмъ они старались поднять мелкое землевладѣніе; конфискація помѣстій изгнанныхъ аристократовъ давала имъ возможность надѣлять землею безземельныхъ; они противодѣйствуютъ стремленію сельскаго населенія въ городъ и запрещаютъ крестьянамъ переселяться въ городъ, возбраняютъ покупку рабовъ и требуютъ, чтобы каждый гражданинъ самъ работалъ и не издерживалъ больше, чѣмъ получаетъ дохода. Подобныя мѣры не могутъ держаться долго, особенно въ такой маленькой и неплодородной странѣ, какъ коринѳская область. Послѣ паденія тираніи Коринѳъ становится вполнѣ торговымъ и промышленнымъ городомъ, въ которомъ работаетъ большое число рабовъ, да и большинство гражданъ живетъ промышленностью. «Въ то время, какъ варвары и греки— изъ послѣднихъ особенно лакедемоняне—вообще смотрятъ съ пренебреженіемъ на ремесленниковъ, въ Коринѳѣ менѣе всего презираютъ ремесленниковъ» говоритъ Геродотъ (II, 167. ἥκιστα δὲ Κορίνθιοι ὄνονται τοὺς χειροτέχνας). Въ Аѳинахъ политика Писистратидовъ преслѣдовала тѣ же цѣли, какъ и политика коринѳскихъ тирановъ, и едва-ли съ лучшимъ успѣхомъ. Правда, здѣсь размѣры страны и развитіе культуры оливокъ, доставляющей цѣнный и вывозимый въ большихъ количествахъ сельско-хозяйственный продуктъ, препятствуютъ полному упадку земледѣлія, однако и здѣсь перевѣсъ все болѣе склоняется на сторону коммерческихъ интересовъ столичнаго населенія. Съ тѣхъ поръ, какъ Ѳемистоклъ создалъ аѳинскій флотъ и борьба съ персами доставила Аѳинамъ владычество надъ берегами и островами Эгейскаго моря, аѳинская политика вполнѣ подчиняется интересамъ торговли, стремящейся охватить весь греческій міръ, уничтожить соперниковъ, подчинить себѣ все новыя и новыя страны, до Италіи и Сициліи, даже до Карѳагена. Для того, чтобы сохранить и расширить свое морское могущество, Аѳины не останавливаются передъ рискомъ огромной войны, въ которой беззащитная страна подвергается всѣмъ ужасамъ непріятельскихъ нашествій. Всѣ попытки сельскаго населенія отстоять свои діаметрально противоположные интересы имѣютъ лишь мимолетный успѣхъ.

росу съ просьбою объ умиротвореніи ихъ города. Паросцы отправили въ качествѣ посредниковъ своихъ лучшихъ мужей. «Прибывъ въ Милетъ, они нашли дома (т. е. наслѣдственное имущество отдѣльныхъ семействъ) въ самомъ плачевномъ состояніи. Тогда они обошли всю милетскую область и, гдѣ находили въ разоренной странѣ хорошо обработанный участокъ земли, то записывали имя его владѣльца. Они нашли во всей странѣ немного такихъ, и этимъ они передали правленіе» (Герод. V, 29).

Теперь ясно, насколько ошибочна картина экономическаго развитія древности, нарисованная Бюхеромъ. Седьмое и шестое столѣтія въ греческой исторіи соотвѣтствуютъ въ развитіи новаго времени четырнадцатому

и пятнадцатому вѣку послѣ Р. Х., пятое—шестнадцатому.

Экономическому развитію соотвѣтствуетъ и характеръ государственнаго устройства. Въ Спартѣ и отчасти на Критѣ старые полноправные граждане удержали за собою и землю, и политическія права; въ континентальныхъ государствахъ господствуетъ либо аристократія, либо крестьянская демократія [1]); въ Эгинѣ, Коринѳѣ и др.,—подобно тому, какъ впослѣдствіи, напримѣръ, на Родосѣ и въ Карѳагенѣ,—господствуетъ купеческая аристократія въ болѣе или менѣе демократическихъ формахъ. Въ Коринѳѣ Карѳагенѣ, позднѣе и въ Родосѣ и другихъ городахъ эллинистической эпохи, низшія сословія—ремесленники, торговцы, наемные рабочіе, матросы—находятся въ такой тѣсной экономической зависимости отъ благосостоянія крупныхъ купцовъ и фабрикантовъ, а послѣдніе такъ искусно умѣютъ вести управленіе сообразно съ общими интересами и охранять себя отъ всякаго революціоннаго движенія, что оппозиція не можетъ возникнуть. Въ другихъ государствахъ, какъ Эгина, происходятъ возстанія, остающіяся, впрочемъ, безуспѣшными, тогда какъ, напримѣръ, въ Корцирѣ, гдѣ благодаря обилію и плодородію пахатной земли сельское

[1]) Нерѣдко между той и другой дѣло доходитъ до ожесточенной борьбы и повторныхъ революцій, напр. въ Беотіи, Элидѣ, впослѣдствіи и въ Аркадіи. Къ этой же категоріи относится теперь и Мегара, потерявшая свое торговое значеніе вслѣдствіе возвышенія Коринѳа, Эгины и Аѳинъ, и живущая теперь, главнымъ образомъ, земледѣліемъ и огородничествомъ.

населеніе играетъ гораздо болѣе важную роль, кровавыя революціи и перевороты составляютъ обычное явленіе. Во многихъ другихъ государствахъ, какъ, напримѣръ, въ Аргосѣ, Сиракузахъ, Тарентѣ и, прежде всего, въ типичной формѣ, въ Аѳинахъ, развивается полная демократія, т. е. устраняется соразмѣрность гражданскихъ правъ съ величиной имущества и повинностей, тогда какъ пропорціональность обязанностей достатку, конечно, удерживается,—мало того, на состоятельныхъ возлагается даже наибольшее бремя въ видѣ военной службы, общественныхъ повинностей (литургіи), какъ снаряженіе военныхъ кораблей, устройство и содержаніе хоровъ, устройство обѣдовъ для членовъ филы, руководство гимнасіями и устройство состязаній, затѣмъ въ видѣ экстраординарныхъ имущественныхъ налоговъ для военныхъ цѣлей (εἰσφορά) [1]). Такимъ образомъ власть переходитъ, если не юридически, то фактически, въ руки массы городского населенія. Какъ извѣстно, бѣднѣйшимъ гражданамъ дается возможность участвовать въ правленіи тѣмъ, что за государственныя функціи, за участіе въ совѣтѣ и судѣ,

[1]) Теперь уже почти всѣ признаютъ, что взглядъ Родбертуса на εἰσφορά, какъ на прогрессивный подоходный налогъ (Jahrb. f. Nationalök, VIII, 1867, стр. 453 сл.), неправиленъ. Но и мнѣніе Бёка, его гипотеза объ отличномъ отъ общей суммы имущества податномъ капиталѣ, также невѣрно. См. Beloch, Das Volksvermögen von Attika, въ Hermes XX (съ добавленіемъ въ т. XXII), а о солоновскихъ классахъ (основою которыхъ служили военныя повинности) и податяхъ—мою Geschichte des Altertums II. § 408.

позднѣе и въ народномъ собраніи [1]), а также за отправленіе большей части должностей назначается вознагражденіе, и кромѣ того бѣднѣйшимъ гражданамъ все въ бо́льшемъ размѣрѣ оказываются помощь и поддержка изъ государственныхъ средствъ путемъ выдачи хлѣба, денегъ на посѣщеніе театра и экстраординарныхъ денежныхъ субсидій [2]). Состоятельные люди и

[1]) У Аристотеля (Ἀθην. Πολ. 41) введеніе платы за посѣщеніе народныхъ собраній спустя нѣсколько лѣтъ послѣ Пелопоннесской войны, когда Аѳины находились въ полномъ упадкѣ, мотивируется тѣмъ, что иначе люди не приходили въ собраніе и потому не могло состояться никакихъ рѣшеній. Каждому приходилось заниматься своимъ промысломъ, и онъ не могъ безъ вознагражденія жертвовать своимъ временемъ (собранія начинались рано утромъ и продолжались очень долго, такъ что пропадалъ весь день). Плата выдавалась вначалѣ въ размѣрѣ 1 обола (=1/6 драхмы = 7 коп.), но быстро повысилась до двухъ, а въ 391 г. до Р. Х. до трехъ оболовъ; во времена Аристотеля она равнялась 1 драхмѣ (около 40 к.), а за каждое изъ десяти главныхъ годовыхъ собраній (ἐκκλησία κυρία)—1½ драхмамъ. Это свидѣтельствуетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, о постоянно возроставшей жадности массъ и безпрерывномъ паденіи цѣнности денегъ.

[2]) Діобелія, т. е. раздача по 2 обола на человѣка, была введена Клеофономъ во время кризиса, вызваннаго декелейской войной, когда сельское населеніе въ теченіе цѣлаго года было заперто въ стѣнахъ и всѣ источники заработка изсякли; къ концу войны она была увеличена Калликратомъ до 3 оболовъ (Арист. Ἀθην. Πολ., 28). Вначалѣ она выдавалась, вѣроятно, только въ исключительныхъ случаяхъ, но документъ въ Corp. inscr. Att. I, 189 показываетъ, что въ 407/6 году она выдавалась ежедневно, пока еще были деньги въ кассахъ. Очевидно, людямъ тогда не съ чего было жить. Ассигнованныя въ 410/9 гг. суммы—ib. 188—назначались, какъ показываютъ ихъ размѣры, на нѣсколько дней. Послѣ того, какъ могущество аттической

сельское населеніе занимаютъ оборонительное положеніе по отношенію къ нимъ и время отъ времени дѣлаютъ неудачныя попытки снова присвоить себѣ руководящую роль, которая, по ихъ мнѣнію, принадлежитъ имъ по праву.

Мы должны еще немного остановиться на Аѳинахъ пятаго и четвертаго вѣковъ. Именно на ихъ примѣрѣ можно лучше всего опровергнуть ходячее мнѣніе, будто въ древности свободный человѣкъ не работалъ, а работали только рабы, да еще, пожалуй, чужестранцы-метэки. Оно основано на аристократическомъ представленіи, что свободный человѣкъ, имѣющій право принимать участіе въ политической жизни, долженъ быть экономически совершенно независимъ, что ему подобаетъ заниматься только земледѣліемъ и, въ крайнемъ случаѣ, крупной торговлей или банкирскимъ дѣломъ, а ремесло и всякій низшій промышленный трудъ, при которомъ человѣкъ старается какимъ-бы то ни было путемъ нажить возможно больше денегъ, унижаютъ его [1]). Этотъ

державы было во второй разъ сломлено въ 355 г., когда Эвбулъ сталъ во главѣ правленія и Аѳины отказались отъ крупной внѣшней политики, чтобы сдѣлаться вполнѣ торговымъ городомъ и вмѣстѣ духовнымъ центромъ, было, какъ извѣстно, рѣшено раздавать гражданамъ Эллады всѣ остатки денегъ въ качествѣ θεωρικόν, и это постановленіе даже въ тяжелое время послѣдней войны съ Филиппомъ было отмѣнено только временно. Этимъ способомъ хотѣли примирить народную массу съ существующимъ строемъ, обезпечить перевѣсъ состоятельныхъ классовъ въ правленіи и получить возможность реорганизовать совершенно разстроенное государство. Ср. Beloch Die attische Politik seit Perikles, стр. 178.

[1]) Съ развитіемъ образованности прибавляется занятіе от-

взглядъ сложился въ средневѣковую эпоху, отъ которой его заимствовала демократія. Послѣдняя есть, въ сущности, ничто иное, какъ распространеніе привилегій правящихъ классовъ на всю совокупность гражданъ; какимъ образомъ послѣднимъ старались дать возможность участвовать въ правленіи, мы уже видѣли. Въ основѣ этого строя лежитъ тотъ принципъ, «что каждый можетъ радѣть одновременно и о своихъ собственныхъ дѣлахъ, и о дѣлахъ государства, и даже тотъ, кто занятъ какимъ-нибудь промысломъ, въ состояніи удовлетворительно обсуждать политическіе вопросы», «что при общемъ юридическомъ равенствѣ каждый пріобрѣтаетъ вліяніе не столько въ силу своего сословнаго положенія, сколько благодаря личнымъ достоинствамъ, и что бѣдному его низкое происхожденіе не препятствуетъ быть полезнымъ государству. Поэтому тотъ, кто лишенъ

влеченными вопросами или, выражаясь языкомъ древнихъ, философія, прежде всего—самовоспитаніе. Въ четвертомъ вѣкѣ, вслѣдствіе политическаго упадка, философія все болѣе отодвигаетъ политическую дѣятельность на задній планъ и становится, по крайней мѣрѣ въ теоріи, важнѣйшимъ, почти единственнымъ занятіемъ свободнаго человѣка. Но и здѣсь сохраняется то-же различіе: люди, считающіе себя обладателями истиннаго знанія (σοφισταί) и продающіе его за деньги, жестоко осмѣиваются послѣдователями Сократа, и учитель краснорѣчія вродѣ Исократа, считающій себя, въ противоположность такимъ педантамъ, какъ Антисѳенъ и Платонъ, представителемъ истинной философіи, смотритъ съ презрѣніемъ на «логографовъ», пишущихъ за деньги судебныя рѣчи, хотя онъ и самъ за свое преподаваніе беретъ крупную плату. Это—та-же противоположность, какая существуетъ между коммерсантомъ (ἔμπορος) и лавочникомъ (κάπηλος).

политическихъ правъ, является съ этой точки зрѣнія не индифферентнымъ гражданиномъ, какъ въ аристократическихъ государствахъ, а негоднымъ для государства человѣкомъ» [1]). Поэтому всѣ преграды устранены; добровольнымъ подчиненіемъ законамъ и имъ-же избраннымъ властямъ народъ долженъ доказать свое право на самоуправленіе.

Однако идеалъ не оправдался на дѣлѣ. Уже вскорѣ начали обнаруживаться его отрицательныя стороны, и онѣ выступали тѣмъ рѣзче, чѣмъ сложнѣе становились политическія и военныя задачи. Всеобщее равенство такъ-же мало обезпечивало общее благоразуміе и подчиненіе общимъ интересамъ, какъ судейской клятвой не гарантируется глухота противъ лжи сикофантовъ и адвокатскихъ уловокъ и забвеніе политическихъ и сословныхъ интересовъ [2]). Же-

[1]) Ѳукид. II, 40 и 37 въ надгробной рѣчи Перикла. Здѣсь Ѳукидидъ, вовсе не будучи сторонникомъ неограниченной демократіи, далъ блестящую и — именно благодаря точности описанія—тѣмъ сильнѣе дѣйствующую картину великихъ идеаловъ, лежавшихъ въ ея основаніи. Во всей политической литературѣ врядъ-ли найдется что-нибудь равное этой картинѣ, и навѣрное нѣтъ ничего, что превосходило-бы ее.

[2]) «Неразъ, когда обвиняемые теперь хотѣли добиться чьего-нибудь незаконнаго осужденія, они говорили вамъ, что если вы не осудите тѣхъ, чьего осужденія они требуютъ, то у васъ истощатся судебныя деньги», говоритъ Лисій въ одной политической обвинительной рѣчи (27.1). Такой пріемъ въ процессахъ противъ богатыхъ людей былъ уже въ началѣ Пелопонесской войны обычнымъ явленіемъ (Аристоф., Всадники, 1357). Лисій (30, 22) отмѣчаетъ, какъ нѣчто само собою понятное, «что совѣтъ поступаетъ вполнѣ безукоризненно, пока есть деньги для правленія, но какъ только является нужда въ деньгахъ.

лая увлечь аѳинянъ къ энергическимъ мѣропріятіямъ, Клеонъ не разъ говорилъ имъ, что демократія неспособна проводить послѣдовательную внѣшнюю политику [1]), и по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи исходъ Пелопоннесской войны доказалъ его правоту. Главный же упрекъ заключался въ томъ, что демократія не дѣлаетъ различія между способнымъ и неспособнымъ, что въ то время, какъ всѣ остальныя занятія и ремесла нужно изучать и каждый остерегается обратиться къ сапожнику или архитектору, не разузнавъ, насколько онъ свѣдущъ въ своемъ дѣлѣ,—въ политической области всѣ должности (за исключеніемъ военныхъ, которыя требуютъ извѣстныхъ техническихъ знаній) для соблюденія полнаго равенства продоставляются по жребію первому встрѣчному и каждый имѣетъ право говорить и рѣшать, хотя толпа груба и невѣжественна и каждый имѣлъ-бы достаточно работы, если-бы занимался собственными дѣлами. Это составляетъ постоянный припѣвъ въ разсужденіяхъ Сократа о политическихъ вопросахъ.

Такимъ образомъ, въ образованныхъ кругахъ греческаго общества взглядъ на цѣлесообразность демократіи измѣ-

---

онъ принужденъ принимать доносы, конфисковать имущества и слѣдовать за самыми дурными ораторами». Ср. Аристот. Pol. VII, 3, 3. Поэтому аристократическій авторъ анонимнаго трактата объ Аѳинскомъ государствѣ временъ Пелопоннесской войны говоритъ (1, 13): «Въ своихъ судахъ они заботятся больше о своей выгодѣ, чѣмъ о правосудіи».

1) Таковъ смыслъ фразы: δημοκρατίαν ὅτι ἀδύνατόν ἐστιν ἑτέρων ἄρχειν (Ѳукид. III, 37).

нился такъ-же быстро и рѣзко, какъ въ нашемъ столѣтіи. Алкивіадъ, рекомендуясь спартанцамъ, заявляетъ у Ѳукидида, что онъ не можетъ сказать ничего новаго о демократіи, ибо всѣ согласны, что она—безсмыслица [1]). Поэтому люди стараются найти новый идеалъ государства. Политическія теоріи появляются во множествѣ, какъ грибы послѣ дождя. Но какъ ни новы и своеобразны эти проекты, всѣ они сходятся въ томъ, что ищутъ свой идеалъ въ прошломъ, въ старомъ аристократическомъ строѣ, въ критской и спартанской конституціи, впослѣдствіи даже въ монархіи, и что всѣ они рѣшительно, даже съ презрѣніемъ, отворачиваются отъ аттической демократіи. Таковы ученія Платона, Ксенофонта, Фалеаса Халкедонскаго [2]), Аристотеля, даже Исократа, насколько это было возможно въ Аѳинахъ для государственнаго дѣятеля, преслѣдовавшаго практическія цѣли.

Эта-то реакціонная теорія приняла и точно формулировала вышеизложенный взглядъ, по которому полно-

---

1) περὶ ὁμολογουμένης ἀνοίας οὐδὲν ἂν καινὸν λέγοιτο, Ѳукид. VI. 79.

2) Онъ хочетъ ввести равенство земельныхъ надѣловъ и сдѣлать всѣхъ ремесленниковъ государственными рабами (Арист. Pol. II 4). Не такъ далеко шелъ Гипподамъ Милетскій (Арист. Pol. II 5), жившій въ болѣе древнюю эпоху; онъ самъ себѣ не могъ хорошенько уяснить положеніе ремесленниковъ, образующихъ въ его идеальномъ государствѣ послѣднюю треть населенія послѣ воиновъ и крестьянъ. Сюда относится множество почти или вовсе неизвѣстныхъ теоретиковъ, видѣвшихъ, какъ Ѳиброн, идеалъ въ спартанскомъ государственномъ устройствѣ, затѣмъ историки, какъ Филистъ, Эфоръ, Ѳеопомпъ и еще до нихъ Ѳукидидъ; всѣ они—противники аттической демократіи.

правный гражданинъ долженъ быть матеріально независимъ, физическій трудъ безчеститъ человѣка, денежныя дѣла и проценты предосудительны и непристойны,— взглядъ, который мы впослѣдствіи находимъ снова у римской аристократіи [1]). Господствующее мнѣніе считаетъ

[1]) Вотъ почему политическая экономія, т. е. изслѣдованіе явленій хозяйственной и финансовой жизни, и осталась чужда античной наукѣ. Основные вопросы кратко обсуждаются Аристотелемъ въ первой книгѣ «Политики», но послѣ краткаго перечисленія и классификаціи главныхъ отраслей труда (χρηματιστική) онъ говоритъ: «Входить въ подробности, пожалуй, полезно для производства, но низменно (φορτικόν) останавливаться на этомъ» (I, 4. 3). Тѣмъ не менѣе спеціальная литература о различныхъ отрасляхъ труда все-таки развилась, и даже въ очень значительныхъ размѣрахъ; уже Аристотель приводитъ кое какіе отрывки изъ нея. Но эта литература служитъ только практическимъ цѣлямъ; до теоретической обработки предмета еще не дошли. Въ этомъ отношеніи замѣчательна приписываемая Аристотелю вторая книга «Экономики», написанная въ началѣ третьяго столѣтія въ царствѣ Селевкидовъ подъ вліяніемъ ученія перипатетиковъ; въ ней собраны историческіе примѣры практическихъ, хотя подчасъ и очень сомнительныхъ, финансовыхъ уловокъ. Ей предпослано краткое, но въ историческомъ отношеніи весьма цѣнное обозрѣніе четырехъ родовъ экономики: царя (т. е. государства), сатрапа, города и частнаго человѣка. Для каждаго рода перечисляются отдѣльныя его вѣтви; такъ, для царя—монетная политика, ввозъ и вывозъ, роспись расходовъ; для сатрапа—десятина, дань провинціи, портовыя и рыночныя пошлины, налогъ на скотъ, поголовная подать, ремесленная подать; но въ подробности авторъ не входитъ, и изслѣдованіе кончается тамъ, гдѣ ему собственно слѣдовало бы начаться. Напротивъ, государственные дѣятели, какъ и историки, вышедшіе изъ практической жизни, обнаруживаютъ близкое знакомство съ экономическими явленіями и высказываютъ въ этой области совершенно правильныя сужденія, напр. Полибій во многихъ мѣстахъ своего сочиненія.

этотъ взглядъ характернымъ для древности въ противоположность къ понятіямъ современнаго намъ общества; оно видитъ въ немъ результатъ вліянія рабства, привычки сваливать физическій трудъ на презрѣнныхъ рабовъ. На мой взглядъ, это — совершенно ложный предразсудокъ. Современное общество смотритъ на физическій трудъ точно такъ-же, какъ античное. Юридическое различіе здѣсь, какъ и тамъ, устранено демократіей, но соціальная пропасть между землевладѣльцами и людьми, избирающими высшія, такъ называемыя свободныя профессіи, съ одной стороны, и представителями низшихъ профессій—ремесленниками и рабочими—съ другой, такъ-же велика, какъ въ древности; современному ученому кажется въ общемъ столь-же неестественнымъ и унизительнымъ, чтобы его сынъ сдѣлался ремесленникомъ, какъ и древнему; купецъ въ нашихъ демократическихъ торговыхъ городахъ смотритъ съ такимъ-же пренебреженіемъ на мелкаго торговца и лавочника, какъ въ Аѳинахъ ἔμπορος на κάπηλος'а [1]); а насколько глубоко въ народномъ сознаніи коренится презрѣніе къ денежнымъ дѣламъ, это мы ясно видимъ именно теперь по постоянному росту антисемитическаго движенія. Но современное общество въ этомъ случаѣ обнаруживаетъ такое-же лицемѣріе и внутреннюю лживость, какъ напр. въ области половыхъ отношеній. Въ то время, какъ древніе высказывали

[1]) Эта противоположность рѣзко выступаетъ, напр., въ рѣчи Лисія противъ хлѣбныхъ торговцевъ (22, 17, 21). Еще гораздо сильнѣе, чѣмъ у насъ, обнаруживается она въ Англіи; въ этомъ отношеніи особенно характерно дарованіе титула эсквайра.

свои взгляды съ полной откровенностью, мы не рѣшаемся открыто признавать себя сторонниками этихъ взглядовъ, и такимъ образомъ здѣсь возникаетъ такое-же противорѣчіе между теоріей и практикой, какое мы видимъ, напримѣръ, въ области морали.

Впрочемъ, именно теорія философовъ показываетъ, какъ сильно расходилась съ нею практика: вѣдь ея цѣль—именно преобразовать послѣднюю. Самъ Аристотель категорически утверждаетъ, что ремесленники, живущіе трудомъ своихъ рукъ и не имѣющіе земельной собственности, составляютъ необходимую часть городского населенія (Пол., II, 4, 13. 5, 6); напротивъ, онъ—настолько горожанинъ, что въ его теоріи крестьянамъ удѣляется такъ-же мало вниманія, какъ и военнымъ задачамъ государства [1]); но вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ относиться къ βάναυσοι, могутъ ли они быть гражданами и доступна-ли имъ какая нибудь ἀρετή — причиняетъ ему много безпокойства (I, 5, 10. III, 2, 8, 3, 1 сл.). Само собою разумѣется, что они должны быть исключены изъ числа гражданъ идеальнаго государства. Демократическому государству конечно чуждо презрѣніе къ ремеслу: «Не бѣдность считается у насъ позорной, а неумѣніе выбиться изъ бѣдности трудомъ», говорится въ надгробной рѣчи Перикла [2]). Государство

1) Ср. Wilamowitz, Aristoteles und Athen I 357 прим. 52 и passim; вся глава «о цѣли и значеніи книги Аристотеля» (стр. 308—373) есть, кажется, лучшее, что написано о жизни и политическихъ сочиненіяхъ Аристотеля.

2) Өукид. II 40. «Въ олигаріяхъ өетъ (неимущій рабочій въ

преслѣдуетъ бездѣлье и наказываетъ каждаго, кто не можетъ указать источника своихъ доходовъ (νόμος ἀργίας). Только дѣти павшихъ на войнѣ воспитываются на счетъ государства, да инвалиды и калѣки (ἀδύνατοι) получаютъ отъ совѣта пособіе въ размѣрѣ 1 обола въ день (слѣдовательно 60 драхмъ—около 24 руб.—въ годъ) [1]). По законамъ Солона сынъ, котораго отецъ не научилъ какому-нибудь ремеслу, не обязанъ содержать отца въ старости (Плут. Сол. 22). Далѣе, аѳиняне, чтобы по возможности содѣйствовать развитію промышленности, поставили пришлыхъ иностранцевъ (метэковъ), бо́льшая часть которыхъ состояла, конечно, изъ ремесленниковъ и рабочихъ, въ болѣе выгодное положеніе, чѣмъ какой-либо иной городъ Греціи. Само собою разумѣется, что въ Аѳинахъ было много рабовъ. Въ крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ и въ рудникахъ работаютъ большей частью рабы; болѣе или менѣе со-

городѣ и въ деревнѣ) не можетъ быть гражданиномъ; ремесленникъ же можетъ, ибо многіе изъ нихъ становятся богатыми». Арист. Pol. III 3, 4.

1) Во времена Аристотеля (Ἀθ. Πολ. 49, 4) эта пенсія была удвоена; необходимымъ условіемъ для ея полученія было, чтобы инвалидъ имѣлъ состояніе меньше, чѣмъ въ 3 мины (около 120 руб.). Тотъ калѣка, въ защиту котораго Лисій произнесъ свою рѣчь, занимается ремесломъ (τέχνη), дающимъ ему, очевидно, порядочный доходъ, хотя онъ, конечно, не можетъ держать раба (24, 6); онъ въ состояніи даже, когда нужно, нанимать верховую лошадь. Изъ этого ясно, что онъ въ сущности получаетъ пенсію незаконно; Лисій спасъ ему пенсію тѣмъ, что очень ловко обратилъ все дѣло въ шутку и посредствомъ смѣха склонилъ судей на свою сторону.

стоятельный ремесленникъ имѣетъ нѣсколько несвободныхъ рабочихъ; нерѣдко также случается, что капиталистъ передаетъ своему рабу лавку на рынкѣ или какое-нибудь другое дѣло, гдѣ рабъ и торгуетъ или работаетъ въ пользу своего хозяина [1]). Но на ряду съ рабами мы видимъ огромную массу свободныхъ ремесленниковъ и торговцевъ—сапожниковъ, портныхъ, цирульниковъ, продавцевъ мазей и т. д. до летающаго колбасника во «Всадникахъ» Аристофана,—свободныхъ работниковъ, нанимающихся [2]) въ крупныя предпріятія, носильщиковъ, каменщиковъ и т. д. Одной изъ главныхъ цѣлей строительной дѣятельности Перикла было дать работу массѣ бѣднѣйшаго населенія и такимъ образомъ прокормить ее на счетъ государства. «Заняты были плотники, ваятели, литейщики, каменотесы, маляры, золотыхъ дѣлъ мастера, рѣзчики по слоновой кости, художники, золотошвеи, токари, далѣе—всѣ принимавшіе участіе въ доставкѣ матеріала, на морѣ купцы, капитаны кораблей и матросы, на сушѣ тележники, извозчики, кучера, канатные мастера и ткачи, кожевники, шоссейные ра-

---

[1]) Такъ, напр., въ рѣчи Гиперида противъ Аѳеногена. Ср. разсужденія автора трактата «объ аѳинскомъ государствѣ» 1, 11 слл.

[2]) Такъ, Лисій произнесъ свою 23-ю рѣчь противъ какого-то свободнаго рабочаго изъ валяльнаго заведенія, который выдавалъ себя за платейца, тогда какъ обвинитель называлъ его бѣглымъ рабомъ. Напомню также, что Плавтъ нанялся на мельницу. Такіе случаи упоминаются въ литературѣ, конечно, сравнительно рѣдко (однако ихъ нашлось бы достаточно, если бы кто-нибудь задался цѣлью собрать ихъ)—хотя вездѣ тысячи людей такимъ образомъ добывали себѣ средства къ жизни.

бочіе, рудокопы. Каждая отрасль требовала работы бѣднѣйшаго населенія, и такимъ образомъ всѣ возрасты и сословія получали свою долю въ общемъ благосостояніи» [1]). Точно такъ-же экипажъ какъ торговаго, такъ и военнаго флота состоитъ исключительно изъ свободныхъ людей, частью набранныхъ заграницей. Когда пелопоннесцы, получивъ деньги отъ Кира, стали платить гребцамъ больше, чѣмъ аѳиняне [2]), то они погубили этимъ аттическій флотъ. Всѣ эти люди, добывающіе себѣ хлѣбъ въ потѣ лица, конечно не имѣютъ рабовъ, какъ и тѣ многочисленные граждане, которые, подобно Сократу, съ нуждой пополамъ сохраняютъ свою независимость. Сократъ имѣетъ домъ и небольшое состояніе [3]), котораго хватаетъ для него и его

---

[1]) Плут. Пер. 12. Это подтверждаютъ уцѣлѣвшіе отрывки счетовъ по постройкѣ Эрехтейона (Corp. inscr. Att. I 321, 324) въ концѣ Пелопоннесской войны. Ремесленники, подмастерья и носильщики—частью граждане, частью метэки, но почти безъ исключенія свободные люди. Только нѣсколько каменщиковъ работаютъ вмѣстѣ съ своими рабами (или дѣтьми?), получающими такую-же плату, какъ и сами мастера. Поденная плата составляетъ бóльшей частью 1 драхму (около 40 коп.); художники и скульпторы получаютъ, конечно, гораздо больше. Относительно положенія метэковъ мы пользовались документами, напечатанными Виламовицемъ въ Hermes 22, 107 сл.

[2]) До тѣхъ поръ—3 обола (около 20 коп.) въ день, теперь 4 обола, Ксеноф. Hell. I 5, 7.

[3]) У Ксен. (Oecon. 2, 3) его имущество, въ томъ числѣ и домъ, оцѣнивается въ 5 минъ (около 200 руб.) и это, должно быть, вѣрно. Что перипатетики называютъ его болѣе богатымъ (Аристоксенъ fr. 26; по Димитрію Фалерскому онъ отдалъ въ ростъ 70 минъ, Плут. Арист. 1), это понятно при тенденціи этой школы,

семьи при крайне-скромныхъ требованіяхъ; но мы нигдѣ не найдемъ указанія на то, чтобы онъ держалъ раба [1].

Теперь ясно, насколько преувеличено общераспространенное представленіе о толпахъ рабовъ и благоденствіи гражданъ античныхъ государствъ. Въ нѣкоторыхъ промышленныхъ городахъ, владѣвшихъ небольшой областью, какъ Эгина и Коринѳъ, число рабовъ превышало число свободныхъ жителей, но въ остальныхъ ихъ было, безъ сомнѣнія, гораздо меньше. Населеніе Аттики въ началѣ Пелопоннесской войны Белохъ опредѣляетъ въ 135,000 свободныхъ (въ томъ числѣ 35,000 взрослыхъ гражданъ мужскаго пола и 10,000 метэковъ старше 17 лѣтъ) и 100,000 рабовъ [2]. Въ отдаленныя области и въ земледѣліе рабство

но они несомнѣнно преувеличиваютъ. Состояніе, оцѣненное вмѣстѣ съ домомъ въ 250 драхмъ.—у Лисія 3. 24.

[1]) Въ противоположность суетливости и вредному вліянію рабочаго населенія (слово τεχνῖται въ самомъ широкомъ смыслѣ обнимаетъ какъ ремесленниковъ, такъ и земледѣльческое населеніе) въ это время любятъ указывать на прочный жизненный строй Египта, гдѣ занятія наслѣдственны и только жрецы и воины имѣютъ голосъ въ политическихъ дѣлахъ. Таково, напр., характерное именно по своей банальности разсужденіе Діодора (I, 74) заимствованное имъ у жившаго около 300 г. до Р. X. писателя Гекатея изъ Абдеры.

[2]) Впослѣдствіи число гражданъ уменьшилось; слѣды Пелопоннесской войны и чумы никогда уже не могли изгладиться. По переписи Димитрія Фалерскаго (317—307 до Р. X.) взрослыхъ гражданъ было 21000 (между ними 9000 съ состояніемъ свыше 2000 драхмъ) и метэковъ 10000 (Athen. VI 272). Что приводимое тамъ-же число рабовъ (40000) такъ же невѣрно, какъ и приведенныя для Эгины и Коринѳа—470.000 и 460.000 (Athen. VI 272 b. d.), это со времени Юма и Нибура признаютъ всѣ безпристрастные изслѣдователи. Относительно этого, какъ и дру-

проникаетъ очень медленно. Когда въ 360 г. до Р. X. богатый фокеецъ Мназонъ купилъ 1000 рабовъ, то его соотечественники жаловались, что этимъ онъ отнимаетъ средства къ существованію у такого-же числа гражданъ [1]). Рабство никогда не достигало исключительнаго господства въ сельскомъ хозяйствѣ,—даже въ большихъ помѣстьяхъ Италіи и Сициліи, и даже въ скотоводствѣ; забѣгая впередъ, напомню, что еще Цезарь счелъ возможнымъ приказать, чтобы въ помѣстьяхъ съ пастбищнымъ хозяйствомъ третья часть пастуховъ состояла изъ свободныхъ взрослыхъ людей [2]). Если практическое выполненіе этого указа и встрѣтило различныя затрудненія и онъ, вѣроятно, не разъ нарушался, то самый фактъ изданія его такимъ человѣкомъ, какъ Цезарь, указываетъ по крайней мѣрѣ на возможность принудительнаго исполненія его.

Здѣсь не мѣсто изображать ни положеніе торговли въ эпоху расцвѣта Аѳинъ, ни распредѣленіе богатства [3]),

---

гихъ относящихся сюда вопросовъ, укажемъ здѣсь разъ навсегда на капитальный трудъ Белоха Die Bevölkerung der griechisch-römischen Welt (Histor. Beiträge zur Bevölkerungslehre I) 1886, окончательно устраняющій изъ области науки общепринятые взгляды на рабство и количество рабовъ въ древности. На его изслѣдованіяхъ основана и моя статья Bevölkerung des Altertums въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

[1]) Tim. у Athen. VI 264 d.

[2]) Sueton. Caes. 42.

[3]) При введеніи финансовой реформы 378/7 гг. (во время архонтства Навзиника) была произведена въ первый разъ общая оцѣнка всего движимаго и недвижимаго имущества съ цѣлью урегулированія военной подати (εἰσφορά); по Полибію II 62, 7 все описанное имущество было оцѣнено въ 5750 талантовъ (около 13 милліоновъ рублей). Эти данныя надо понимать буквально, во-

государственные финансы и государственное хозяйство [1]). Укажемъ лишь на то, что Аѳины особенно славились какъ центръ, куда стекались произведенія всего міра,

преки толкованію Бёка, будто только часть всей объявленной массы имущества подверглась оцѣнкѣ; см. Белохъ Das Volksvermögen von Attika въ Hermes XX и XXII. Конечно, объявленная сумма была, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, значительно ниже дѣйствительной,—по крайней мѣрѣ настолько-же, насколько неточна была оцѣнка народнаго имущества, произведенная въ Пруссіи передъ введеніемъ послѣдней податной реформы. — Въ указанномъ мѣстѣ Полибій полемизируетъ противъ историка риторической школы Филарха, по словамъ котораго Клеоменъ въ 223 г. до Р. Х. увезъ изъ Мегалополя добычу въ 6000 талантовъ; такой суммы не составляло движимое имущество (безъ рабовъ) всего Пелопоннеса, даже въ цвѣтущій періодъ греческой исторіи. По мнѣнію Полибія, добыча Клеомена не могла составлять и 300 талантовъ. Онъ говоритъ, что «для историка важнѣе всего знать военныя и финансовыя силы государства», и съ этой точки зрѣнія подвергаетъ своихъ предшественниковъ такой рѣзкой критикѣ, на какую новѣйшіе изслѣдователи едва-ли рѣшились бы, если-бы не имѣли передъ глазами его примѣра.

[1]) Подробно изложено экономическое развитіе Греціи Белохомъ въ его «Исторія Греціи». Классическое сочиненіе Бёка Staatshaushaltung der Athener, какъ ни было оно оригинально въ свое время и какъ ни важно еще теперь, во многихъ частностяхъ естественно устарѣло, какъ благодаря болѣе правильному толкованію старыхъ данныхъ, такъ и благодаря колоссальному увеличенію матеріала. Нѣкоторымъ ученымъ, какъ, напримѣръ, Eheberg'у, повидимому совершенно неизвѣстно, что у насъ есть множество документальныхъ данныхъ, благодаря которымъ мы имѣемъ возможность детально ознакомиться съ государственнымъ хозяйствомъ Аттики въ пятомъ вѣкѣ (ст. Finanzen въ Handwörterb. der Staatsw. III стр. 439); только такимъ образомъ можно понять его показанія относительно Аѳинъ. Такъ же негодны и безсвязны его показанія о Римѣ. Всюду въ этой статьѣ мы находимъ худшія изъ нелѣпостей, порожденныхъ теоріей Родбертуса.

преимущественно-же самыя лакомыя яства [1]). «Все, что есть изысканнаго въ Сициліи, Нижней Италіи, Кипрѣ, Египтѣ, Лидіи, у Понта, въ Пелопоннесѣ или гдѣ бы то ни было,—все стекается въ Аѳины благодаря ихъ морскому могуществу». «Благодаря владычеству на морѣ я могу добыть всѣ продукты земли, не занимаясь самъ земледѣліемъ, тогда какъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не встрѣчаются сразу два изъ нихъ, какъ напр. дерево и ленъ; ибо гдѣ растетъ много льна, тамъ земля ровна и лишена деревьевъ; точно такъ-же одна и та-же страна не даетъ мѣди и желѣза или какихъ-нибудь другихъ двухъ или трехъ различныхъ предметовъ; но одно можно найти здѣсь, другое тамъ» [2]). Далѣе, аѳиняне пользуются своимъ морскимъ могуществомъ для того, чтобы сдѣлать Аѳины центромъ торговли, и заставляютъ слабѣйшія государства вывозить сюда свои продукты. Особенно важна, конечно, хлѣбная торговля, которую Аѳины стараются по возможности сосредоточить въ Пиреѣ. Въ пятомъ и четвертомъ вѣкѣ онѣ такъ-же нуждались въ чужомъ хлѣбѣ, какъ теперь Англія; поэтому и владычество надъ геллеспонтскимъ торговымъ путемъ было для нихъ вопросомъ жизни. Во времена Демосѳена ввозъ хлѣба въ Пирей составлялъ приблизительно 800.000 четвериковъ (400.000 гектолитровъ) ежегодно; изъ нихъ около половины доставлялось изъ Понта [3]). Хлѣб-

[1]) Гермиппъ у Athen. I 27 e. Ἀθ. Πολ. 2, 6 сл.

[2]) Ibid. 2, 11 сл.

[3]) Демосѳ. 20, 31 сл. Бёкъ ошибочно призналъ и это число

ная торговля находилась подъ строгимъ контролемъ государства. Только треть ввозимаго хлѣба могла быть отправлена дальше, двѣ трети должны были доставляться въ городъ [1]). Стремясь установить низкія цѣны, что лежало на обязанности «хлѣбныхъ смотрителей», государство безпрестанно воевало съ хлѣбными торговцами (это были, кажется, почти исключительно метэки), которые скупали ввозимый хлѣбъ,—хотя подъ страхомъ смертной казни было запрещено одному человѣку покупать больше 50 ластовъ,—и пользовались всѣми биржевыми слухами, всякимъ политическимъ и экономическимъ затрудненіемъ, чтобы поднять цѣны.

Такія-же условія, какъ въ Аѳинахъ, господствовали въ Сиракузахъ [2]), самомъ большомъ послѣ Аѳинъ торговомъ городѣ греческаго міра. Съ ними соперничалъ

слишкомъ низкимъ благодаря тому, что сильно преувеличилъ количество населенія и число рабовъ въ Аттикѣ. — Эквивалентомъ хлѣбной торговли Понта служатъ масло, вазы, украшенія изъ золота и слоновой кости, вывозимыя изъ Аѳинъ и въ поразительномъ изобиліи найденныя въ могилахъ Крыма и южной Россіи.

[1]) Арист. 'Αϑ. Πολ. 51, 4 и въ другихъ мѣстахъ. Кромѣ того ср. рѣчь Лисія противъ хлѣбныхъ торговцевъ.

[2]) Аристотель разсказываетъ (Pol. I 4, 7) объ одномъ сицилійскомъ банкирѣ временъ Діонисія Старшаго, который скупилъ все желѣзо и при продажѣ получилъ на каждые 50 талантовъ по 100 талантовъ барыша, т. е. 200% чистой прибыли. Діонисій оставилъ ему его прибыль, но изгналъ изъ Сиракузъ. Подобныя попытки захватить въ свои руки монополію не разъ дѣлали и частныя лица, и правительства. Замѣчу еще, что товарищескія предпріятія и торговыя общества были обычнымъ явленіемъ какъ въ греческомъ мірѣ, такъ впослѣдствіи и въ римскомъ; ср. напр. Арист. Pol. II 2, 9.

Карѳагенъ, богатый торгово - промышленный городъ вродѣ Коринѳа и Эгины, только въ гораздо бо́льшихъ размѣрахъ, могучая держава, которая господствовала надъ западной половиною Средиземнаго моря и, какъ извѣстно, преграждала доступъ въ свои владѣнія по возможности всѣмъ чужестранцамъ и такъ-же всецѣло сосредоточила въ столицѣ торговлю всѣхъ подвластныхъ ей городовъ, какъ напримѣръ Венеція или колоніальныя государства Европы въ позднѣйшее время. Карѳагенъ покорилъ и обложилъ данью и военной повинностью африканскія племена, сардовъ, впослѣдствіи и населеніе южной Испаніи; богатые купцы владѣютъ обширными подгородными имѣніями и громадными помѣстьями, которыя обрабатываютъ рабы и крѣпостные; но для государства и его политики это имѣетъ сравнительно небольшое значеніе: оно такъ-же исключительно, если не больше, поглощено интересами торговли и промышленности, какъ англійская политика восемнадцатаго и девятнадцатаго вѣковъ. Поэтому здѣсь вырабатывается въ типической формѣ и непоколебимо держится въ теченіе столѣтій господство купеческой аристократіи; масса городского населенія юридически, а еще больше фактически вполнѣ зависима отъ нея; единственной силою, опасной для господствующаго класса и дѣйствительно погубившей его, является войско подъ начальствомъ энергичнаго и побѣдоноснаго полководца. Едва вѣришь своимъ глазамъ, когда видишь, что и этому государству навязываютъ хозяйство οἰκος;'α; съ чего же жило мно-

гочисленное населеніе столицы, которое такъ мужественно, до послѣдней капли крови, защищало свое отечество въ послѣдней войнѣ противъ Рима?

Обратимся къ эллинистической эпохѣ. Весь Востокъ становится доступнымъ для иностранцевъ и такимъ образомъ открывается безпредѣльная область, куда можетъ отливать излишекъ населенія Греціи, который до этого времени, благодаря невыносимымъ политическимъ условіямъ греческаго міра, частью погибалъ въ безпрерывныхъ войнахъ, частью все болѣе и болѣе увеличивалъ число бродягъ на дорогахъ и пиратовъ на морѣ [1]). Благодаря притоку греческихъ воиновъ и купцовъ въ Азію, благодаря безпрерывному основанію городовъ, которые здѣсь, какъ и повсюду въ древности, являются главными хранителями и распространителями цивилизаціи, Востокъ усвоиваетъ греческую культуру, и послѣдняя становится всемірной [2]). Результатомъ этого процесса

---

[1]) Объ этомъ часто говоритъ Исократъ; онъ же совѣтуетъ уже Филиппу—послѣ покоренія Малой Азіи основать въ завоеванной странѣ города и поселить въ нихъ всѣхъ тѣхъ, которые теперь вслѣдствіе нужды побираются и грабятъ каждаго встрѣчнаго (Исокр. 5. 120).

[2]) Я не могу здѣсь останавливаться на политическихъ условіяхъ, на положеніи городовъ въ новыхъ большихъ государствахъ. Замѣчу только, что и здѣсь ярко выступаетъ неправильность обычныхъ взглядовъ, рисующихъ себѣ картину древняго быта по Аристотелю. Взоръ Аристотеля всегда обращенъ назадъ, а не впередъ. Онъ ищетъ политическій идеалъ въ замкнутомъ городскомъ государствѣ въ такое время, когда оно оказалось уже совершенно несостоятельнымъ; онъ совершенно не понимаетъ новаго времени, наступившаго съ Александромъ; онъ смотритъ на противоположность между эллиномъ и варваромъ, какъ на нѣчто естественно-необходимое и тождественное съ различіемъ между свободнымъ и рабомъ, тогда какъ эта противоположность была навсегда уничтожена именно его ученикомъ. Мнѣніе, будто древніе греки и римляне съ презрѣніемъ смотрѣли на всѣ другіе народы, и будто въ этомъ заключается характерная разница между античнымъ и современнымъ міровоззрѣніемъ, ни на чемъ не основано. Пока національное чувство здорово, каждый народъ считаетъ себя лучше сосѣдей; несмотря на это греки и римляне умѣли объективно и правильно оцѣнивать другія націи и, можетъ быть, скорѣе преувеличивали, чѣмъ умаляли ихъ достоинства. Презрѣніе къ варварамъ развилось изъ контраста съ персидскимъ царствомъ во второй половинѣ пятаго вѣка, когда эллинская культура далеко опередила азіатскую; это чувство еще усилилось благодаря несчастнымъ политическимъ событіямъ четвертаго столѣтія; со времени Александра оно исчезло, и современное міросозерцаніе больше его не знаетъ. Космополитизмъ стоиковъ всѣмъ извѣстенъ; однако и Эратосѳенъ, напр., не имѣющій ничего общаго съ стоической школой и, наоборотъ, примыкающій къ академикамъ (Strab. I 2, 2), ставитъ въ упрекъ Аристотелю, что онъ совѣтовалъ Александру обращаться съ эллинами, какъ съ друзьями, а съ варварами, какъ съ врагами, и хвалитъ царя за то, что онъ не послѣдовалъ этому совѣту; людей надо различать по ихъ добродѣтелямъ и порокамъ. Страбонъ, передающій это извѣстіе, уже такъ мало понимаетъ въ чемъ дѣло, что думаетъ, будто Аристотель имѣлъ въ виду именно это различіе (I 4,9).—Въ христіанскомъ міровоззрѣніи, не придающемъ никакого значенія политическимъ и національнымъ различіямъ и цѣнящемъ лишь человѣческую личность, нѣтъ ничего новаго, созданнаго самимъ христіанствомъ; оно только усвоило общераспространенные взгляды.

является небывалый расцвѣтъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и значительное перемѣщеніе торговыхъ силъ. Рядомъ съ новымъ міровымъ городомъ на египетскомъ берегу, на первый планъ выступаетъ прежде всего Малая Азія [1]). Правда, не-

---

[1]) Это движеніе начинается уже около середины IV столѣтія.

большіе провинціальные города вездѣ приходятъ въ упадокъ: среди огромнаго міроваго движенія они не въ состояніи сохранить свою старую замкнутость и экономическую самостоятельность, ту αὐτάρκεια, которую Аристотель признаетъ цѣлью государства. Ихъ мѣсто занимаетъ большой городъ, истинный представитель современной культуры, возникающій либо изъ старыхъ общинъ (какъ напримѣръ, Эфесъ, Смирна, Апамея Киботъ), либо по волѣ властителей. Это явленіе при одинаковыхъ условіяхъ повторяется всюду. Какъ городъ пожираетъ деревню, такъ большой городъ пожираетъ маленькій. Разумѣется, новый городъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, представляетъ въ экономическомъ отношеніи нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ географически тождественный съ нимъ земледѣльческій городъ средневѣковой эпохи. Новые города основываются по опредѣленному плану, снабжаются всѣмъ новѣйшимъ комфортомъ, и со своимъ густымъ населеніемъ, состоящимъ изъ купцовъ и торговцевъ, образуютъ центръ для обширнаго округа; впрочемъ, въ наиболѣе густо населенныхъ мѣстностяхъ, какъ на западѣ Малой Азіи и на сѣверѣ Сиріи, большіе и средніе города часто лежатъ поразительно близко другъ отъ друга. Окрестная область постепенно переходитъ въ собственность городовъ и, освобождаясь, такимъ образомъ, отъ непосредственной власти правителя, подчиняется городскому самоуправленію, такъ что сельскіе округа начинаютъ превращаться въ городскіе участки,—процессъ, который былъ доведенъ до конца Римомъ.

Одновременно съ расцвѣтомъ Востока мы наблюдаемъ упадокъ собственной Греціи. Ему значительно способствуетъ безпрерывный отливъ населенія на Востокъ и политическія неурядицы, ни на минуту не дающія странѣ покоя. Но главная причина лежитъ въ перемѣщеніи міроваго центра: Греція уже не составляетъ средоточія ни въ политическомъ, ни въ торговомъ отношеніи. Аѳины лежатъ теперь въ сторонѣ отъ большого торговаго пути; ихъ значеніе заключается отнынѣ въ томъ, что онѣ являются духовной метрополіей міра и средоточіемъ самыхъ тонкихъ и изысканныхъ наслажденій [1]). Только Коринѳъ сохранилъ и еще возвысилъ свое значеніе благодаря своей роли главнаго транзитнаго порта, посредника между Востокомъ и Западомъ [2]). Отдѣльные города, какъ важная крѣпость Халкида, новая ѳессалійская столица Деметріада, новая гавань Македоніи Ѳессалоника, прославившаяся своимъ глинянымъ производствомъ Танагра, занимаютъ еще видное положеніе; но бо̀льшая часть городовъ постепенно приходитъ въ упадокъ; въ ихъ стѣнахъ растетъ трава и пасется скотъ [3]), маленькіе города обращаются фа-

---

[1]) „Насколько остальные города превосходятъ деревню обиліемъ чувственныхъ и духовныхъ наслажденій, настолько Аѳины превосходятъ всѣ другіе города", говоритъ Гераклидъ (Desc. Graec. 1,5—такъ наз. „Псевдодикеархъ") въ превосходномъ описаніи Греціи III вѣка, которое мы горячо рекомендуемъ всѣмъ интересующимся дѣйствительной жизнью этого времени.

[2]) Послѣ разрушенія Коринѳа такую-же роль игралъ съ 146 по 88 г. вольный портъ (порто-франко), основанный римлянами на Делосѣ.

[3]) ἐρημία μεγάλη ἡ μεγάλη πόλις, говорится объ

ктически въ деревни, населеніе все уменьшается, общественные финансы находятся въ плачевномъ состояніи, и только ссуды и пожертвованія богатыхъ граждан даютъ возможность на время пополнять пустыя кассы. Это тотъже процессъ, какой наступилъ-бы въ Англіи, если-бы она сразу потеряла свою руководящую роль въ міровой торговлѣ и промышленности и очутилась въ положеніи второстепенной транзитной страны.

Послѣдствіемъ этихъ обстоятельствъ не было, конечно, возвращеніе къ старымъ простымъ условіямъ. На одной сторонѣ стоитъ пролетаріатъ, который, лишившись теперь всѣхъ средствъ къ существованію, содержится по необходимости на счетъ казны (или на пожертвованія богатыхъ людей) и постоянно угрожаетъ революціями; на другой — крупныя состоянія, благополучно перенесшія всѣ кризисы. Въ этихъ рукахъ все больше и больше сосредоточивается теперь земельная собственность, главнымъ образомъ—путемъ покупокъ у обѣднѣвшихъ и стремящихся въ города собственниковъ. Къ этому присоединяется все возростающая роскошь со всѣми ея послѣдствіями (въ Ѳивахъ, напримѣръ, она привела къ безпримѣрному одичанію населенія [1]); слѣдствіемъ

основанномъ въ 369 г. аркадскомъ городѣ Мегалополѣ, на который возлагалось много несбывшихся надеждъ. Ср. приложеніе II.

[1]) „Жители Ѳивъ любятъ великолѣпіе и удивительно умѣютъ приспособляться ко всевозможнымъ житейскимъ положеніямъ; но при этомъ они дерзки, заносчивы и склонны къ насиліямъ, всегда готовы вступить въ драку, будь то съ чужими или со своими-же гражданами; они совершенно презираютъ всякое право...

этихъ условій является полное запустѣніе страны, безпрерывный упадокъ благосостоянія до гораздо болѣе низкой ступени, чѣмъ это обусловливалось міровыми перемѣнами. Поля не воздѣлываются, а свободныя руки все-таки не находятъ возможности добывать средства къ жизни, улучшать свое положеніе и достигать независимаго существованія, потому что горожанинъ не можетъ снова сдѣлаться крестьяниномъ, а сельское населеніе обѣднѣло и переселилось въ городъ [1]). Поэтому безбрачіе и нежеланіе имѣть и воспитывать дѣтей становятся общераспространенными явленіями. «Въ наше время бездѣтность и недостатокъ въ людяхъ сдѣлались въ Греціи повсемѣстными»,

Тяжбы тянутся у нихъ по меньшей мѣрѣ тридцать лѣтъ, потому что если кто-нибудь говоритъ объ этомъ передъ народомъ и затѣмъ не убирается немедленно изъ Беотіи, а остается тамъ хоть самое короткое время, то онъ непремѣнно будетъ ночью убитъ тѣми, кто не хочетъ, чтобы процессъ былъ доведенъ до конца. Убійства происходятъ здѣсь по всякому поводу. Тѣмъ не менѣе есть нѣсколько порядочныхъ и почтенныхъ людей, съ которыми можно вести дружбу. Женщины-же ихъ по росту, походкѣ и движеніямъ—самыя изящныя и стройныя во всей Греціи“ (Гераклидъ, l. c. 1,14 сл.). Точно такъ-же и Полибій (XX, 6) разсказываетъ о судебной волокитѣ, объ утайкѣ и растратахъ казенныхъ денегъ. „Кромѣ того, бездѣтные люди обыкновенно не оставляютъ своего состоянія ближайшимъ наслѣдникамъ, а назначаютъ его на обѣды и попойки для своихъ друзей; даже многіе люди, имѣющіе дѣтей, оставляютъ бо́льшую часть своего состоянія собутыльникамъ, такъ что есть много беотянъ, у которыхъ въ теченіи мѣсяца больше обѣдовъ, чѣмъ въ мѣсяцѣ дней“.

[1]) Это положеніе дѣлъ очень рельефно изображено нѣсколько позже, къ концу перваго вѣка послѣ Р. Х., въ разсказѣ Діона Хрисостома объ одномъ эвбейскомъ городѣ и двухъ братьяхъ, одиноко живущихъ недалеко отъ него. См. приложеніе II.

говоритъ Полибій (37,9), «и благодаря этому города опустѣли и доходы уменьшились, хотя (со времени установленія римскаго владычества въ 190 г. до Р. X.) не было ни продолжительныхъ войнъ, ни эпидемій». За это нечего обвинять боговъ, такъ какъ вина всецѣло лежитъ на людяхъ, которые «изъ корыстолюбія и легкомыслія больше не женятся и, если женятся, не хотятъ воспитывать дѣтей и обыкновенно воспитываютъ въ изнѣженности лишь одного или двухъ, чтобы они послѣ ихъ смерти были богаты (т. е. наслѣдовали состояніе родителей цѣликомъ)». Какъ и римскіе государственные люди временъ Гракховъ и впослѣдствіи Августъ, Полибій требуетъ вмѣшательства законодательной власти и ищетъ причину зла въ явленіяхъ, представляющихъ лишь рѣзкій симптомъ экономическаго переворота; понятно, что всѣ эти законы и преміи за обиліе дѣтей, установленныя римской имперіей, оказались совершенно безсильными.

Но тотъ, кто хочетъ изучить и оцѣнить по достоинству эллинистическую культуру, долженъ обратиться не къ Греціи, а къ расцвѣтающему и достигающему апогея своего развитія и благосостоянія Востоку. Руководящимъ государствомъ является здѣсь царство Лагидовъ, столица котораго—Александрія. Его могущество основывается на обладаніи и свободномъ распоряженіи всѣми силами новой культуры: торговлей, деньгами, образованіемъ, которыя сосредоточены въ столицѣ. Благодаря этому, государство имѣетъ возможность постоянно содержать большое, хорошо оплачивае-

мое войско и флотъ, путемъ дальновидной и цѣлесообразной политики тѣснить и доводить до гибели континентальныя государства, убивать ихъ торговлю и захватывать берега и острова одинъ за другимъ [1]). Съ нимъ соперничаютъ Македонія и, особенно, царство Селевкидовъ,—государства, въ которыхъ новая эллинистическая культура развивается особенно живо и разносторонне, потому что здѣсь отсутствуетъ тотъ гнетъ концентраціи, который тяготѣетъ надъ царствомъ Лагидовъ; но именно потому эти государства принуждены безпрестанно бороться съ мѣстными, центробѣжными элементами, стремящимися все къ бóльшей самостоятельности, и не могутъ упрочить свое положеніе. На ряду съ этими крупными державами возникаютъ все въ большемъ числѣ второстепенныя государства, отвоевывающія себѣ независимость въ своихъ владѣніяхъ, подчасъ сопротивляющіяся верховной власти Лагидовъ, но пользующіяся ею для защиты противъ континентальныхъ державъ. Изъ нихъ для насъ особенно важны греческія торговыя государства вдоль мало-азіатскаго побережья, и прежде всего Родосъ. Въ Родосѣ мы находимъ такое-же солидное и прочное торговое государство, какъ раньше въ Коринѳѣ, только въ бóльшихъ размѣрахъ,—прочное устройство, обезпечивающее въ демократическихъ формахъ господство купеческаго населенія, превосходные

[1]) Здѣсь не мѣсто говорить объ упадкѣ государства и обнаружившейся при этомъ внутренней слабости; предусмотрительная политика смѣняется задоромъ, какъ только рушится ея опора, царская власть.

законы, энергическую торговую политику. Когда византійцы начали взыскивать плату за проходъ черезъ Босфоръ, родосцы объявили имъ войну (въ 220 г.) и въ союзѣ съ виѳинскимъ царемъ принудили ихъ отмѣнить пошлину. Всюду Родосъ вступается за независимость греческихъ городовъ и безпощадно истребляетъ критскихъ и иныхъ пиратовъ. Щедрыя пожертвованія, которыя стеклись въ Родосъ изъ всѣхъ государствъ въ 227 году, когда городъ былъ разрушенъ землетрясеніемъ (Polyb. V, 88 сл.), указываютъ, по справедливому замѣчанію Дройзена, на огромное значеніе этого торговаго пункта и на солидарность коммерческихъ интересовъ, не признающую никакихъ политическихъ преградъ и враждебныхъ отношеній.

Мы не можемъ дольше останавливаться на этой эпохѣ [1]). Я хотѣлъ-бы указать еще лишь на то, что,

[1]) Извѣстно, какое живое представленіе даютъ намъ теперь папирусы изъ Файюма и папирусы и глиняныя таблички изъ остальнаго Египта относительно быта страны и, прежде всего, относительно жизни эллинизированнаго города внутри Египта временъ Птоломеевъ и римскаго владычества,—относительно мѣстнаго управленія, областныхъ финансовъ, денежныхъ и натуральныхъ повинностей (о податныхъ спискахъ и о народныхъ переписяхъ, производившихся въ римскій періодъ каждые 14 лѣтъ главнымъ образомъ съ цѣлью урегулированія поголовной подати,—отъ нихъ сохранилось много счетныхъ листовъ—см. Wilcken ἀπογραφαί, Hermes 28,230 сл.). Я хотѣлъ-бы еще только указать здѣсь на то, что эти памятники, равно какъ и разсказы, напр. Новаго Завѣта свидѣтельствуютъ о сравнительно ничтожной роли рабства на Востокѣ. Оно едва-ли было болѣе распространено, чѣмъ на магометанскомъ Востокѣ до перенесенія туда съ Запада освободительныхъ идей.

вопреки обычнымъ представленіямъ, очень распространеннымъ и въ ученыхъ кругахъ, культуру этого времени слѣдуетъ представлять себѣ вполнѣ современной во всѣхъ отношеніяхъ [1]). Только для сравненія надо брать не девятнадцатое столѣтіе, а семнадцатое и восемнадцатое, когда морскія сношенія тоже часто затруднялись, а нерѣдко и совсѣмъ прекращались вслѣдствіе непогоды, а сухопутныя были часто крайне неудобны отнимали слишкомъ много времени и въ гораздо бóльшей степени затруднялись дорожными пошлинами, налогами и паспортной системой, чѣмъ въ древности,—гдѣ рядомъ съ высокой и утонченной культурой мы видимъ дурныя и жалкія правительства и крайне жестокія войны, но гдѣ тѣмъ не менѣе существовали чрезвычайно-дѣятельныя международныя сношенія и «народное хозяйство» въ бюхеровскомъ смыслѣ.

Мы обращаемся теперь къ Риму, притомъ прямо къ римской имперіи. Страшный кризисъ, въ которомъ погибла римская республика, обратное дѣйствіе на Италію всемірнаго владычества и вызванныхъ имъ безпрерывныхъ войнъ, которыя требовали содержанія постоянныхъ войскъ,

[1]) Даже и въ области науки; мнѣніе, будто древніе ученые работали иначе, чѣмъ современные, есть басня, принесшая очень много вреда.

[2]) «Въ государствѣ нѣтъ даже 2000 человѣкъ, владѣющихъ состояніемъ» (non esse in civitate duo milia hominum, qui rem haberent, Cic. de off. II, 73), сказалъ трибунъ Филиппъ, одинъ изъ главныхъ представителей партіи капиталистовъ, въ 104 до Р. Х. на римскомъ форумѣ. Таковъ былъ результатъ столѣтняго владычества надъ міромъ.

вторженіе рабства въ сельское хозяйство и развитіе скотоводства, разореніе италійскихъ крестьянъ и вызванная имъ гибель республиканскаго военнаго строя, все усиливающійся наплывъ сельскаго населенія въ большіе города, образованіе огромныхъ капиталовъ и крупнаго землевладѣнія съ одной стороны и увеличеніе неимущаго пролетаріата съ другой, при прогрессивномъ уменьшеніи средняго класса, попытки искоренить зло, только усиливающія упадокъ и дѣлающія революцію неизбѣжной (отсюда вытекаютъ—только въ огромныхъ размѣрахъ и съ совсѣмъ иными послѣдствіями—тѣ-же явленія, которыя мы раньше видѣли въ Греціи): всѣ эти обстоятельства, конечно, представляютъ большой интересъ и въ экономическомъ отношеніи и имѣютъ важное значеніе еще и для нашего времени,—но для ихъ изложенія потребовалось-бы гораздо больше мѣста, чѣмъ намъ здѣсь предоставлено [1]).

Римская имперія—это огромная держава, обнимающая всѣ культурные народы Средиземнаго моря. Одна общая культура, представляемая на Востокѣ греческимъ, на Западѣ латинскимъ языкомъ, царитъ во всемъ государствѣ и распространяется все дальше черезъ Испанію, Галлію, Сѣверную Африку, проникаетъ къ альпійскимъ племенамъ, въ германскія страны по ту сторону Рейна

[1]) Отдѣльныхъ вопросовъ я коснулся въ моихъ «Изслѣдованіяхъ по исторіи Гракховъ» (Halle 1894), разбирая толкованія нашихъ источниковъ. См. также извѣстную работу Нитча Die Gracchen, и блестящее, но не всегда вѣрное описаніе этой эпохи у Моммсена.

и Дуная, въ Британію, въ некультурныя мѣстности Иллиріи и Ѳракіи, въ восточную часть Малой Азіи, даже далеко вглубь Сирійской пустыни. Для Малой Азіи, Ѳракіи, Иллиріи, Сѣверной Африки римское владычество обозначаетъ эпоху ихъ наивысшаго расцвѣта; никогда больше эти страны не достигли даже приблизительно такого благосостоянія и такой густоты населенія, какъ въ то время. Культура и теперь еще является въ формѣ городского государства, которое римляне распространяютъ на все болѣе широкіе круги и которое въ заключеніе еще разъ оказывается носителемъ древней, т. е. по своимъ основамъ греческой культуры [1]). Правда, эти государства должны были отказаться отъ своей давнишней самостоятельной политики; найдена была форма, подчинявшая городское самоуправленіе одному общему государственному строю. Коммунальныя дѣла рѣзко отдѣляются отъ задачъ государства, относительно которыхъ рѣшающій голосъ принадлежитъ не общинамъ, а только выборнымъ изъ всѣхъ частей государства, получающимъ доступъ въ сенатъ и къ высшимъ должностямъ до императорскаго званія включительно. Каждая провинція состоитъ изъ большого числа го-

[1]) Въ Беотикѣ Плиній насчитываетъ 175 городовъ, въ Тарраконской области—179 oppida изъ 293 общинъ; остальныя 114—сельскія общины. Въ Лузитаніи, конечно, преобладаетъ сельская община. О разбойничьемъ племени кантабровъ Страбонъ говоритъ слѣдующее (III 3.8): «Августъ покорилъ ихъ, а Тиверій достигъ того, что они не только живутъ въ мирѣ, но нѣкоторые даже ввели у себя городскую организацію». Тотъ-же процессъ наблюдается всюду.

родскихъ округовъ (галльскіе округи занимаютъ въ общемъ то-же положеніе, какъ вообще города), въ которые включена вся окрестная земля, тогда какъ некультурныя племена и области иногда отдаются имъ въ подчиненіе [1]). Они имѣютъ собственное правительство, состоящее изъ совѣта и ежегодно избираемыхъ чиновниковъ, собственное имущество, собственную юрисдикцію, частью мѣстное, частью римское право и т. д. Надъ ними въ качествѣ контролирующаго органа стоитъ представитель государственной власти, губернаторъ провинціи, облеченный вмѣстѣ съ тѣмъ высшей судебной властью (сюда входитъ также судъ надъ римскими гражданами); рядомъ съ нимъ стоятъ органы для собиранія податей и натуральныхъ повинностей въ пользу государства. Только въ немногихъ областяхъ не удалось ввести городского самоуправленія: съ одной стороны, въ некультурныхъ, лишь постепенно открывавшихся для цивилизаціи странахъ, какъ Реція, Норикумъ, Коттическія Альпы, Мавританія, Ѳракія и др., съ другой — у двухъ высоко-цивилизованныхъ народовъ, которымъ городское самоуправленіе было совершенно чуждо, и гдѣ его введеніе было-бы сопряжено съ большими опасностями: у египтянъ и евреевъ. Въ этихъ двухъ странахъ господствуетъ въ своей полной формѣ монархи-

[1]) Здѣсь невозможно останавливаться на полугородскихъ и сельскихъ общинахъ, которыя также сохранились, хотя и въ очень незначительномъ числѣ, какъ остатки стараго строя. Относительно этого ср. A. Schulten, Die Landgemeinden im römischen Reich, въ «Philologus» 53, 1894.

ческая власть императора, осуществляемая его приказчиками—прокураторами.

Римская имперія дала міру эпоху глубочайшаго спокойствія, которое за періодъ болѣе чѣмъ въ 200 лѣтъ только одинъ разъ (въ 68—69 гг.) было нарушено значительнымъ кризисомъ. Дѣятельныя сношенія, всеобщій духовный и торговый обмѣнъ, не стѣсняемый тѣми таможенными преградами, которыя существовали между отдѣльными большими областями, охватываютъ весь цивилизованный міръ. Все болѣе сглаживаются различія между господами и подчиненными, между привилегированными и массой населенія, независимо отъ того, противодѣйствуетъ-ли правительство этому движенію, какъ въ лицѣ Августа, или сознательно поощряетъ его пожалованіемъ правъ гражданства обширнымъ группамъ, какъ императоры начиная съ Клавдія, —пока, наконецъ, эдиктомъ Каракаллы (въ 212 г.) всѣ различія не были окончательно уничтожены. Въ противоположность одичанію послѣднихъ временъ республики, въ это время, несмотря на всѣ недостатки, которыхъ разумѣется и здѣсь достаточно, господствуетъ справедливый, человѣчный режимъ, радѣющій о благѣ цѣлаго, всей державы, всего orbis terrarum. Столкновенія между властями, т. е. между принцепсомъ и сенатомъ, жестокость и безуміе отдѣльныхъ императоровъ, составляющія по общепринятому мнѣнію все содержаніе исторіи этого времени, въ сущности имѣютъ для всего государства только поверхностное значеніе и врядъ ли оказываютъ большее

вліяніе на судьбы имперіи, чѣмъ невоздержность Генриха VIII—на благоденствіе Англіи [1]).

Слѣдствіемъ этой эпохи было полное крушеніе въ третьемъ вѣкѣ не только государства, но и культуры. Я никогда не могъ безъ грусти читать знаменитый рескриптъ Траяна о христіанахъ, въ которомъ онъ пишетъ, что не слѣдуетъ обращать вниманія на анонимные доносы: nam et pessimi exempli nec nostri saeculi est (Plin. epist. 10, 97). Нигдѣ, кажется, не выражается такъ живо самосознаніе великаго, достигшаго своей высоты [2]) культурнаго государства, которому, казалось, было обезпечено вѣчное существованіе,—а спустя столѣтіе все величіе рухнуло.

Извѣстно, что паденіе римской имперіи было вызвано отнюдь не вторженіемъ варваровъ. Только тогда, когда она уже внутри совершенно разложилась, варвары, которыхъ она сама призвала, которымъ она вложила мечъ въ руки, отняли у нея западныя провинціи. Точно также не великія и опустошительныя войны третьяго вѣка являются причиной страшнаго упадка благосостоянія и уменьшенія количества населенія, запустѣнія государства и возврата къ варварству. Безъ сомнѣнія, войны сильно способствовали этому упадку; но задатки его существовали уже и раньше, и, какъ разъ наоборотъ, войны и прорвавшаяся анархія были его слѣдствіемъ, признакомъ наступившаго разложенія. Мы имѣемъ здѣсь дѣло исключительно съ распаденіемъ культуры, достигшей наивысшаго развитія и разлагающейся извнутри, при полной исправности внутренняго строя, безъ вмѣшательства сколько-нибудь опаснаго внѣшняго врага. Во время Антониновъ, которое обыкновенно считается самой счастливой эпохой всемірной исторіи, признаки разложенія обнаруживаются уже во всѣхъ областяхъ, а въ третьемъ столѣтіи совершается огромная катастрофа крушенія античнаго государства—конецъ древней исторіи [1]). Тотъ новый строй,

[1]) Мнѣ простятъ, надѣюсь, если я не стану входить въ разборъ тѣхъ фантазій, которыя O. Seeck въ своей недавно изданной Geschichte des Untergangs der antiken Welt, т. I выдаетъ за плоды новѣйшихъ научно-историческихъ изслѣдованій, и по которымъ паденіе древняго міра основано на нѣкотораго рода обратномъ подборѣ: въ то время, какъ лучшіе люди безпрерывно истреблялись и самые сильные изъ народа шли въ войско и не производили потомства, одни только слабые и трусы, остававшіеся дома, продолжали свой родъ.

[2]) Противоположностью является, конечно, ближайшимъ образомъ упадокъ эпохи Домиціана, казавшійся невозвратнымъ.

[1]) Правда съ чисто-формальной точки зрѣнія исторія этой эпохи представляетъ и прогрессивные моменты. Какъ грандіозное зданіе Айя-Софіи или Сан-Витале въ Равеннѣ вполнѣ сохраняютъ свою оригинальность и величіе, когда мысленно ставишь ихъ рядомъ съ архитектурными памятниками перваго и второго вѣковъ, такъ діоклетіановская монархія импонируетъ своей послѣдовательностью по сравненію съ раздвоенностью августовскаго принципата, который, благодаря своей внутренней лживости, благодаря совершенно невозможной попыткѣ соединить два противоположныхъ элемента—свободное самоуправленіе сената и личную власть принцепса, носилъ въ себѣ зародышъ безпрерывныхъ столкновеній. Точно также моментами прогресса являются полное проведеніе бюрократическаго строя, дальнѣйшая разработка правъ, смягченіе грубыхъ нравовъ и увеселеній благодаря вліянію христіанства, развитіе восточной тор-

которому положили начало Авреліанъ и Пробъ и который возвели на развалинахъ Діоклетіанъ и Константинъ, почти такъ же далекъ отъ древности и принципата, какъ монархія Карла Великаго [1]).

Я далеко не въ состояніи рѣшить возникающую здѣсь грандіозную задачу. Однако можно намѣтить путь, по которому слѣдуетъ идти къ ея разрѣшенію; главные факторы катастрофы видны довольно ясно.

Самымъ общимъ моментомъ является ростъ и всеобщее распространеніе античной культуры, приводящіе ее къ упадку. И на этомъ примѣрѣ подтверждается

говли, начало распространенія христіанской культуры въ Эѳіопіи и южной Аравіи. Но рядомъ съ этимъ мы видимъ въ живописи и пластикѣ возвращеніе къ дѣтскому состоянію искусства, разложеніе государства въ западныхъ провинціяхъ, замираніе духовной и политической жизни, прекращеніе всякой свободной дѣятельности, внутреннее одичаніе, полное подчиненіе непоколебимой традиціи, безпрерывный духовный регресъ отъ времени Адріана къ времени Севера, отсюда къ времени Константина, отъ послѣдняго къ эпохѣ Симмаха и Боэція и, наконецъ, къ сознательному отказу отъ образованія, который мы видимъ у Григорія Великаго или Косьмы Индикоплевста. Нигдѣ не обнаруживается яснѣе, какъ мало въ исторической жизни форма обусловливаетъ содержаніе.

1) Наиболѣе рѣзко это обнаруживается въ законодательствѣ. Вмѣсто точно и тонко формулированныхъ правовыхъ нормъ классическаго времени—неопредѣленныя, затемненныя избыткомъ словъ положенія, общія угрозы карою, варварскія наказанія, господствовавшія затѣмъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ, напыщенная, безсодержательная болтовня о благоденствіи государства и непрестанныхъ заботахъ правителя о немъ—всѣ эти черты поражаютъ насъ уже въ одномъ изъ первыхъ актовъ этой эпохи въ діаклетіановомъ эдиктѣ „de pretiis“.

эмпирическій законъ, что чѣмъ шире культура, тѣмъ она ниже. Духовная культура изсякаетъ, потому что ей болѣе не ставится никакихъ задачъ, потому что всѣ великіе вопросы, глубоко волнующіе умы, кажутся или разрѣшенными или безусловно неразрѣшимыми; чѣмъ больше распространяется общее образованіе, тѣмъ скуднѣе становится его содержаніе. Литература сводится къ самымъ плоскимъ произведеніямъ, какія когда-либо были созданы, къ чисто формальнымъ, лишеннымъ всякаго разумнаго содержанія компиляціямъ такъ называемой второй софистики и къ компендіямъ и сборникамъ, гдѣ въ удобной для пользованія формѣ сопоставлено все наиболѣе достойное изученія, и которые тщательно избѣгаютъ и дѣлаютъ невозможнымъ всякое самостоятельное мышленіе. Объемъ знаній, конечно, уменьшается отъ поколѣнія къ поколѣнію, равна какъ и интересъ къ классическимъ произведеніямъ. Что касается искусства, то достаточно упомянуть только о поразительно быстромъ упадкѣ, который, въ противоположность великимъ произведеніямъ эпохи Траяна и Адріана, обнаруживается уже при Антонинахъ и еще несравненно сильнѣе въ аркѣ Севера.

Слѣдствіемъ этого процесса была утрата образованными людьми того руководящаго вліянія въ области умственной жизни, которое они пріобрѣли начиная съ пятаго вѣка, со времени эмансипаціи просвѣщенія отъ народныхъ предразсудковъ, отъ вѣры и обычаевъ предковъ. Мѣсто просвѣтительныхъ идей и философіи зани-

маетъ исходящее изъ низшихъ слоевъ и проникающее все въ болѣе высокіе круги религіозное движеніе [1]), приведшее во второмъ и третьемъ вѣкѣ къ великой борьбѣ вѣрованій, изъ которой побѣдителемъ вышло христіанство.

То обстоятельство, что и въ политической и военной сферѣ руководящее вліяніе переходитъ отъ образованныхъ классовъ къ массѣ, является лишь оборотной стороной этого процесса. И здѣсь какъ разъ совершенство культурнаго государства ведетъ къ его гибели.

Въ области военнаго дѣла [2]) при Цезарѣ и тріумвирахъ начинаютъ привлекать провинціаловъ на службу въ легіонахъ, доступъ въ которые до сихъ поръ былъ открытъ только для римскихъ гражданъ. Августъ, вообще старавшійся возстановить древніе римскіе нравы и поддержать различіе между римлянами и подвластными народами, ограничилъ право службы въ легіонахъ одними

1) Это движеніе начинается въ серединѣ перваго вѣка до Р. Х., въ то время, когда подготовляется сначала на востокѣ, а затѣмъ и на западѣ, заключительная стадія античнаго развитія, получившая затѣмъ свою окончательную форму въ принципатѣ.

2) См. Mommsen, „Die Konskriptionsordnung der römischen Kaiserzeit.“ Hermes XIX, 1 слл. во многихъ важныхъ частностяхъ подтвержденное Seeck'омъ. „Die Zusammensetznug der Kaiserlegionen“, Rhein. Mus. 48, 602 слл. Обыкновено не обращаютъ вниманія на то обстоятельство, что легіонеры тріумвировъ, набросившіеся на несчастную Италію, въ 42/1 году когда имъ были розданы конфискованныя поземельныя владѣнія шестнадцати италійскихъ городовъ, были большой частью варварами, получившими права гражданства (ср. Вергилій. Ecl. 1,72). Теперь это подтверждается результатами изслѣдованія Seeck'а.

гражданами, но вездѣ присоединилъ къ легіонамъ не-гражданскія «вспомогательныя войска», служившіе въ которыхъ солдаты по выслугѣ получали права гражданства. Только въ крайнихъ случаяхъ и онъ принужденъ былъ составлять легіоны изъ провинціаловъ. Но склонность гражданъ къ военной службѣ все уменьшалась, и такимъ образомъ приходилось все въ большихъ размѣрахъ привлекать въ легіоны не-гражданъ. При Флавіяхъ жители Италіи уже не встрѣчаются въ войскѣ; при Адріанѣ вводится мѣстный наборъ, т. е. культурныя страны, умиротворенныя провинціи, въ которыхъ не расположены войска, фактически освобождаются отъ военной службы. Съ середины второго вѣка дѣйствительные римскіе граждане фактически не обязаны служить даже въ провинціяхъ, тогда какъ номинальные граждане, служащіе въ легіонахъ,—ничто иное, какъ провинціалы, получившіе при вступленіи на службу права гражданства [1]).

1) Аристидъ I, p. 352 Dind у Діона (52,27) Меценатъ совѣтуетъ Августу окончательно отказаться отъ принципы всеобщей воинской повинности: „пусть всѣ другіе живутъ безъ оружія и стѣнъ, а самыхъ сильныхъ и бѣдныхъ избери“ и составь изъ нихъ постоянное войско. Такимъ образомъ будутъ предотвращены безпрерывныя гражданскія войны, «и остальное населеніе будетъ подъ охраной чужого оружія мирно заниматься земледѣліемъ, торговлей и промышленностью, тогда какъ люди, способные къ военной службѣ, которые до сихъ поръ занимались преимущественно разбоемъ, сдѣлаются полезными для государства“. „Августъ освободилъ италійцевъ отъ войнъ и взялъ у нихъ изъ рукъ оружія, а охрану государства ввѣрялъ набранному наемному войску,“ говорится у Геродіана (II, 11.5). Аврелій Викторъ (3.14 говоритъ: „Послѣ убіенія Калигулы республика

Понемногу рекрутскій наборъ ограничивается только сельскими областями; образованные люди, горожане, больше не обязаны служить, они отказались отъ меча. Послѣдствія этого порядка вещей ясно выступаютъ въ страшныхъ смутахъ третьяго столѣтія: грубая военщина захватываетъ въ свои руки власть и втеченіе полувѣка дерется изъ-за добычи; она возводитъ на престолъ одного полководца за другимъ—тѣмъ охотнѣе, чѣмъ онъ грубѣе—и такъ же быстро свергаетъ его. Монархія Діоклетіана, какъ извѣстно, сдѣлала еще шагъ дальше; она составляетъ лучшія войска уже не изъ своихъ подданныхъ, а изъ жителей пограничныхъ областей, и такимъ образомъ сама вводитъ варваровъ въ государство.

Въ то же время падаетъ городское самоуправленіе. Оно постепенно подавляется развитіемъ чиновничества, все бо́льшимъ расширеніемъ сферы надзора и контроля центральныхъ органовъ. Выгоды, доставляемыя городскими должностями, исчезаютъ, ихъ неудобства, крупныя тягости, которыя сопряжены съ ними, остаются. Если раньше богатые люди стремились къ почетнымъ должностямъ, если какой-нибудь Трималхіонъ, который, какъ вольноотпущенникъ, не имѣлъ права быть муниципальнымъ чиновникомъ, безъ сомнѣнія охотно от-

была-бы возстановлена, если-бы граждане еще несли военную службу. Но съ тѣхъ поръ какъ они вслѣдствіе изнѣженности свалили военную службу на иностранцевъ и варваровъ, въ странѣ воцарились развратъ и корыстолюбіе, и свобода подавлена.“ Относящіяся сюда указанія надписей см. у Моммсена, l. c.

далъ бы за это право половину своего состоянія [1]), то теперь занятіе общественной должности и участіе въ совѣтѣ считаются тяжелыми обязанностями, отъ которыхъ каждый старается отдѣлаться. Къ этому присоединяется все возрастающее равнодушіе образованныхъ людей къ политической жизни: національное самосознаніе исчезло, они совершенно устранены отъ участія въ крупной политикѣ, а теперь и ихъ вліяніе на мѣстное управленіе все болѣе съуживается. Поэтому пассивное отношеніе къ жизни, стремленіе уйти отъ ея тревогъ, безпрекословное подчиненіе судьбѣ становятся все болѣе обычными явленіями; основанное на политической самодѣятельности гражданство внутренно разрушено, а на его мѣсто стала индифферентная личность.

Ко всему этому присоединяется, быстро возростающій несмотря на продолжительное мирное время, экономическій упадокъ и убыль населенія. Процессъ, наступившій сначала въ Греціи, а затѣмъ въ Италіи, охватываетъ теперь весь культурный міръ. Извѣстно, какими средствами императоры пытались противодѣйствовать экономическому крушенію Италіи: строгіе законы Августа относительно браковъ и рожденія дѣтей, основаніе колоній въ разоренныхъ городахъ, безпрерывныя раздачи запустошенной земли выслужившимъ солдатамъ, денежные подарки и прощеніе податей, регулярно повторявшіеся при воцареніи каждаго новаго им-

[1]) Чтобы удовлетворить честолюбіе этихъ людей, Авгуетъ, какъ извѣстно, учредилъ синекуру seviri Augustales.

ператора, основанный Нервой и Траяномъ продовольственный институтъ для дѣтей, который, въ противоположность нашему обезпеченію старости, можно назвать обозпеченіемъ юности, т. е. обезпеченіе и воспитаніе государствомъ бѣдныхъ дѣтей путемъ ассигнованія огромныхъ капиталовъ, которые безпрестанно увеличивались благодаря пожертвованіямъ. Рабство, въ которомъ обыкновенно видятъ причину всѣхъ золъ [1]), несмотря на огромныя массы рабовъ, какими владѣли очень многіе богачи, не увеличивается, а уменьшается, частью благодаря прекращенію подвоза рабовъ и безпрерывныхъ войнъ, постоянно во времена республики доставлявшихъ на рынокъ новый и дешевый человѣческій товаръ [2]), частью благодаря массовому отпущенію рабовъ на волю (какіе размѣры приняло это явленіе, видно изъ того, что со времени Августа количество отпускаемыхъ на волю рабовъ было ограничено). Въ сельскомъ хозяйствѣ, гдѣ рабство даже въ худшія времена конца республики не достигало исключительнаго господства [3]),

[1]) Ср. прил. III.

[2]) Эти два источника рабства отчасти замѣняются очень распространенной продажей дѣтей и добровольнымъ переходомъ въ рабство бѣдныхъ людей. (Ср. напримѣръ, Dio Chrysost. or. 15 p. 453 R.: «безчисленное множество соборныхъ людей продаютъ себя и въ силу договора становятся рабами, нѣкоторые даже на самыхъ тяжелыхъ условіяхъ»—характерный признакъ господствующаго экономическаго кризиса); ср. Mommsen Bürgerlicher und peregrinischer Treiheitsschutz im röm. Staat въ Jurist Abhandlungen für G. Besebr. стр. 263 слл.

[3]) Что какъ для жатвы, такъ и для посѣва были необходимы свободные наемные рабочіе—это разумѣется само собою и

земледѣльческій рабъ все больше замѣняется свободными колонами, т. е. зависимыми хлѣбопашцами, наслѣдственно обрабатывающими одинъ и тотъ же участокъ и занимающими середину между мелкими крестьянами и батраками [1]). И несмотря на все это, безбрачіе и бездѣтность продолжаютъ господствовать въ прежней силѣ; мужчины по-прежнему стремятся изъ деревни въ Римъ, чтобы получать тамъ долю при ежемѣсячныхъ раздачахъ зерна, какъ энергично ни стараются императоры бороться съ этимъ зломъ [2]);

на это указываютъ, начиная съ Катона, всѣ авторы, писавшіе о сельскомъ хозяйствѣ. Кромѣ того, рядомъ съ прямой эксплуатаціей имѣнія при помощи нескованныхъ и скованныхъ рабовъ, всегда существовала отдача въ аренду отдѣльныхъ полосъ свободнымъ колонамъ, которую Колумелла (I 7, 6) рекомендуетъ особенно для отдаленныхъ участковъ, куда владѣлецъ только изрѣдка можетъ заглянуть. Во времена имперіи эта форма хозяйства дѣлается все болѣе господствующей. Такъ наприм., въ обширныхъ помѣстьяхъ Плинія Младшаго по рѣкѣ По она безусловно преобладаетъ (Ep. III 19. IX 37). Напротивъ, въ пастбищномъ хозяйствѣ, совершенно оттѣснившемъ земледѣліе въ Нижней Италіи и Апуліи, отчасти, вѣроятно и въ Этруріи, рабскій (плантаціоный) трудъ естественно сохраняетъ свое значеніе. Вообще ср. Mommsen, Die italische Bodenteilung und die Alimentartafeln, въ Hermes XIX, и Max Weber, Die römische Agrargeschichte 1891, гл. IV, гдѣ процессъ изображенъ превосходно и во всѣхъ главныхъ пунктахъ правильно.

[1]) Weber, Röm. Agrargeschichte, стр. 150.

[2]) Какъ пагубно было это учрежденіе, сдѣлавшееся необходимымъ въ силу экономическаго развитія, показываетъ извѣстіе Діона Кассія (39, 24), что во времена Помпея въ Римѣ было обычнымъ явленіемъ отпущеніе рабовъ на волю для того, чтобы не нужно было ихъ кормить, такъ какъ въ качествѣ вольноотпущенныхъ они получали отъ государства порціи хлѣба. Августъ говоритъ, что онъ „намѣренъ былъ навсегда отмѣнить государ-

снова и снова раздаются жалобы на упадокъ сельскаго хозяйства [1]), постоянно есть на лицо масса необработанной земли, которая можетъ быть роздана, пока наконецъ въ 193 году Пертинаксъ разрѣшаетъ каждому «овладѣвать невоздѣланными и запущенными полями во всей Италіи и въ провинціяхъ, даже если они принадлежатъ императору; кто ихъ воздѣлываетъ, получаетъ надъ ними право собственности» [2]). Извѣстно, какую роль играютъ впослѣдствіи agri deserti въ императорскомъ законодательствѣ. Изъ Италіи это запустѣніе распространяется на провинціи. Въ сицилійскихъ городахъ запустѣніе, которому здѣсь сильно способствовали возстанія рабовъ, всюду сказывается уже во времена Страбона, а въ деревняхъ «римляне, пользуясь обезлюденіемъ страны, захватили горы и бо́льшую часть равнинъ и пользуются ими для разведенія лошадей

ственную раздачу хлѣба потому что надежда принять участіе въ ней губитъ земледѣліе»—т. е. потому, что свободные хлѣбопашцы уходятъ въ Римъ и забрасываютъ свои поля,—«но отказался отъ этого, ясно видя, что послѣ его смерти раздача хлѣба все-таки будетъ возстановлена» (Suet. Aug. 42). Къ концу республики число городскихъ получателей хлѣба составляло 320.000; Цезарь уменьшилъ его до 150.000; къ этому-же числу вернулся и Августъ. Допускались къ получкѣ мальчики отъ 11 лѣтъ, но не допускались конечно женщины и рабы. Часто указываютъ на то, что мужское населеніе Рима далеко превосходило женское: замѣчу еще вкратцѣ, что всѣ эти люди не могли имѣть рабовъ, и что число рабовъ въ Римѣ было гораздо меньше числа свободныхъ жителей.

[1]) Ср., напр., предисловіе Колумеллы (середина I вѣка по Р. Х.).

[2]) Геродіанъ II, 4, 6.

и рогатаго скота, а также для пастьбы» [1]). Такимъ образомъ островъ постепенно уступаетъ свое значеніе житницы Рима Африкѣ и Египту. Испанія—при первыхъ императорахъ цвѣтущая страна, югъ которой по благосостоянію населенія и многочисленности городовъ превосходилъ всѣ остальныя части имперіи,—при императорѣ Маркѣ оказывается «exhausta» [2]). Та же участь постигаетъ и другія провинціи; Лактанцій въ своемъ сочиненіи о смерти гонителей, написанномъ вскорѣ послѣ 313 г., говоритъ о томъ, что «колоны, измученные гнетомъ налоговъ, покидаютъ поля, и нивы поростаютъ лѣсомъ» [3]). Извѣстны слова Саль-

[1]) Страбонъ VI. 2, 6: ἱπποφορβοῖς καὶ βουκόλοις καὶ ποιμέσι παρέδοσαν, причемъ слово ποιμέσι (пастухи) указываетъ на то, что здѣсь, какъ и всюду, гдѣ рѣчь идетъ о пастбищномъ хозяйствѣ, имѣется въ виду мелкій скотъ—овцы и козы.

[2]) Vita Marci 11. Это подтверждается замѣчаніями Авіена, государственнаго дѣятеля IV столѣтія, которыя онъ вставилъ въ свою поэтическую обработку одного древняго географическаго произведенія (содержаніе послѣдняго было для него совершенно непонятно: этотъ плодъ досуга человѣка, достигшаго высшихъ должностей, служитъ лучшимъ доказательствомъ духовнаго оскудѣнія, шедшаго рука объ руку съ матеріальнымъ). Напримѣръ, Кадиксъ, цвѣтущій, густо-населенный торговый городъ временъ Цезаря и Августа, «теперь бѣденъ и малъ, покинутъ жителями,—куча развалинъ» (Or. marit. 270 слл. Авіенъ самъ былъ тамъ).

[3]) De mort. persec. 7. Объясненіе, что виновенъ въ этомъ Діоклетіанъ, увеличившій число чиновниковъ и войска, внушено ожесточенной ненавистью и справедливо только въ очень узкомъ смыслѣ. Это было общее явленіе, длившееся цѣлые вѣка. Burckhardt (Constantin d. Gr. стр. 58) справедливо замѣчаетъ, что мнѣніе Евсевія о благотворномъ вліяніи, которое оказало двадцатилѣтнее царствованіе этого императора (Hist. eccles. VIII 13, 9), опровергаетъ утвержденіе Лактанція.

віана (первая половина пятаго столѣтія), приписывающаго всю вину богатымъ, ихъ притѣсненіямъ и грабительству: «это знаютъ испанскія провинціи, отъ которыхъ осталось одно названіе, раззоренная Африка, опустошенная Галлія» [1]).

Эти факты показываютъ, какъ разореніе возростало съ каждымъ вѣкомъ. Съ ужасающей ясностью упадокъ обнаружился впервые при императорѣ Маркѣ, одномъ изъ лучшихъ людей, когда либо возсѣдавшихъ на престолѣ (161—180). Подати больше не вносятся, колоссальная убыль населенія, которому еще способствовала чума [2]), сказывается повсюду, и только съ величайшимъ напряженіемъ государство можетъ довести до конца пограничную войну съ маркоманами. Дѣйствительно здоровую жизнь можно найти только въ нецивилизованныхъ областяхъ, во Ѳракіи и Иллиріи, отчасти въ Галліи и Африкѣ. Чтобы имѣть необходимыхъ крестьянъ, со временъ Марка начали селить въ имперіи по-

1) De gubern. Dei IV. 4. Здѣсь, какъ и вездѣ, я долженъ ограничиться лишь немногими характерными ссылками. Ср. описаніе Діона въ прил. II.

2) Древніе видѣли въ чумѣ причину, тогда какъ ея опустошительное и никогда не изгладившееся вліяніе въ дѣйствительности было только симптомомъ упадка. Параллельное явленіе представляетъ то грубое суевѣріе, которое быстро распространялось въ это время, захватывая все болѣе высокіе круги и яркое описаніе котораго дастъ «Александръ» Лукіана. Въ послѣдующее время вѣра въ колдовство, чудеса, сны и предзнаменованія господствовала во всѣхъ кругахъ безъ исключенія и имѣла рѣшающее вліяніе на поступки даже самыхъ высокопоставленныхъ и умныхъ людей. Начался этотъ процессъ гораздо ранѣе.

бѣжденныхъ варваровъ въ качествѣ прикрѣпленныхъ къ землѣ эмфитефтовъ, главнымъ образомъ въ придунайскихъ провинціяхъ и—правда, безуспѣшно,—въ Италіи.

Причиною этого процесса является прежде всего безпрерывный ростъ крупнаго капитала и неизбѣжное рядомъ съ нимъ увеличеніе неимущаго пролетаріата. Капиталъ скупаетъ землю [1]) и дѣлаетъ существованіе цвѣтущаго крестьянскаго сословія невозможнымъ. Извѣстно скорбное восклицаніе Плинія: latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias, извѣстно его сообщеніе что половина Африки принадлежала шести собственникамъ, пока Неронъ не погубилъ ихъ и не конфисковалъ ихъ имѣній въ пользу императора [2]). То обстоятельство, что во времена имперіи—въ противоположность къ республиканской эпохѣ—крупное сельско-хозяйственное производство, основан-

1) Этому значительно способствовало то обстоятельство, что римскимъ сенаторамъ съ 219 года были запрещены всякія какъ денежныя, такъ и коммерческія дѣла (Liv. 21. 63). Эта мѣра, энергично поддерживаемая поборникомъ крестьянства К. Фламиніемъ, была вызвана исключительно консервативными стремленіями крестьянства; но она неизбѣжно вела къ тому, что сенаторы скупали все больше земли, и когда они, благодаря всемірному владычеству Рима, пріобрѣли несмѣтныя состоянія,—ихъ поземельныя владѣнія сдѣлались неизмѣримыми и погубили крестьянство. То обстоятельство, что законъ обходили иногда даже такіе люди, какъ Катонъ, принимавшій участіе въ морскихъ предпріятіяхъ при посредствѣ одного вольноотпущенника, не мѣняетъ дѣла. Притомъ въ древности какъ и теперь, и банкиры помѣщали часть своего состоянія въ поземельныя владѣнія: званіе землевладѣльца по понятіямъ античнаго, какъ и современнаго общества—высшее, его занятіе—самое «приличное».

2) Plin. Nat. hist. 18, 35.

ное на рабскомъ трудѣ, все падаетъ и уступаетъ мѣсто раздачѣ мелкихъ участковъ свободнымъ арендаторамъ, ничего не измѣнило въ этомъ процессѣ. Дѣло въ томъ, что эти арендаторы, колоны, въ экономическомъ отношеніи лишены всякой самостоятельности; они получаютъ весь хозяйственный инвентарь отъ собственника и отбываютъ на него барщину [1]); изъ нихъ никогда не могло выйти самостоятельнаго здороваго крестьянскаго сословія. Кромѣ того, хлѣбопашество было выгодно только въ странахъ, вывозившихъ зерно, въ Египтѣ и Африкѣ, тогда какъ въ Италіи оно все болѣе замѣнялось частью скотоводствомъ, частью разведеніемъ оливокъ и винодѣліемъ [2]), хлѣба же обыкновенно засѣвалось не больше, чѣмъ было надобно для собственнаго хозяйства. Домиціанъ, недовѣрчивый деспотъ, но дальновидный правитель, «приказалъ, чтобы въ Италіи никто не насаживалъ новыхъ виноградниковъ, а въ провинціи велѣлъ вырубить не менѣе половины уже существовавшихъ, такъ какъ вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія винодѣлія хлѣбопашество находилось въ упадкѣ, и поэтому

[1]) Къ этому присоединяется оброкъ за арендуемый ими участокъ.

[2]) Извѣстно, что уже Катонъ на вопросъ, какое хозяйство приноситъ больше всего дохода, отвѣтилъ: хорошее скотоводство, затѣмъ сносное скотоводство и только третье мѣсто занимаетъ хорошее земледѣльческое хозяйство (Cic. de off. II, 25, ср. Columella VI, praef. 4). Что Италія къ концу республики и во времена имперіи почти въ такой-же степени нуждалась въ заморскомъ хлѣбѣ, какъ Греція начиная съ пятаго столѣтія, это всѣмъ извѣстно (ср., напр., Тиверія у Тацита Ann. III, 54).

вина было много, а хлѣба мало; но онъ не смогъ осуществить этотъ приказъ [1]). При такихъ условіяхъ разумѣется легко могъ наступать недостатокъ въ хлѣбѣ и голодъ, особенно когда, какъ въ третьемъ столѣтіи, войны и возстанія узурпаторовъ безпрестанно затрудняли ввозъ хлѣба.

Но за этими условіями стоитъ еще одинъ гораздо болѣе общій факторъ — вліяніе города и городской жизни. Городъ безпрерывно притягиваетъ къ себѣ сельское населеніе и всасываетъ его; деревня не только политически, но и матеріально поглощается городомъ. Если вопросъ о томъ, увеличивалось-ли бы въ настоящее время количество городского населенія само собою, безъ притока извнѣ является спорнымъ [2]), то не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ прежнія времена, благодаря нездоровымъ гигіеническимъ условіямъ [3]), благодаря опустошеніямъ, производимымъ эпидеміями и пожарами (а также землетрясеніями) и благодаря большой смертности дѣтей, оно не могло бы возростать само собою и что въ древности, когда ко всему этому присоединялось описанное выше отвращеніе къ браку и когда не существовало

[1]) Sueton. Domit. 7.

[2]) Ср. R. Hansen, Die drei Bevölkerungsstufen, 1889, выводы котораго, впрочемъ, многократно оспаривались.

[3]) Несмотря на превосходные водопроводы, клоаки и т. д. это замѣчаніе примѣнимо и въ римское время по крайней мѣрѣ къ большимъ городамъ, въ которыхъ населеніе было тѣсно скучено; впрочемъ гигіеническія условія средневѣковыхъ и современныхъ городовъ вплоть до нашего времени были еще гораздо хуже.

принудительной необходимости воспитывать дѣтей, количество городского населенія должно было безъ внѣшняго притока непрерывно уменьшаться. Однако и это обстоятельство не имѣетъ рѣшающаго значенія; потому что при нормальныхъ условіяхъ эта убыль возмѣщалась бы увеличеніемъ количества сельскаго населенія. Но тутъ-то и обнаруживается растлѣвающее вліяніе города [1]): благодаря матеріальнымъ и соціальнымъ выгодамъ, которыя онъ доставляетъ и которыя дѣйствуютъ какъ магнитъ на сельское населеніе, еще болѣе благодаря видамъ на быстрое обогащеніе и хорошо оплачиваемыя занятія, а также на даровое содержаніе, на возможность для бѣдняка просуществовать попрашайничествомъ и тунеядствомъ, особенно-же благодаря полному развитію капитализма, денежнаго хозяйства, капиталистическаго права со всѣми ихъ послѣдствіями, посредствомъ которыхъ онъ пересиливаетъ сельскій строй и систематически уничтожаетъ естественныя и необходимыя для послѣдняго жизненныя и торговыя отношенія,—городъ дѣлаетъ невозможнымъ существованіе сельскаго населенія. Этотъ процессъ можетъ продолжаться цѣлыя столѣтія, а неопытный наблюдатель и не замѣтитъ его вліянія; увеличивающійся блескъ и возростаніе народнаго богатства могутъ скрывать отъ взоровъ нездоровое состояніе государства. Но, наконецъ, долженъ наступить моментъ, когда слѣдствія ясно сказываются, когда

[1]) Я говорю здѣсь, конечно, только о современномъ, а не о средневѣковомъ земледѣльческомъ городѣ.

разореніе сельскаго населенія отражается и на городѣ. Торговля и сношенія прерываются, промышленность замираетъ, тысячи рабочихъ рукъ остаются безъ дѣла, потому что съѣстные припасы — эти главные рессурсы жизни, которыхъ не можетъ возмѣстить никакая промышленность,—не производятся въ достаточномъ количествѣ. Такимъ образомъ города начинаютъ пустѣть, какъ раньше пустѣли деревни [1]). Всѣ лучшіе люди временъ имперіи чувствовали ненормальность существующихъ условій, сознавали, что эта черезъ мѣру развившаяся, достигшая высшей точки культура, носитъ въ себѣ зародышъ смерти, и не разъ съ грустью указывали на грядущую опасность. Тоска по естественнымъ условіямъ жизни, мечты о возвратѣ къ простой и безъискуственной обстановкѣ деревенской жизни высказывались достаточно часто [2]); но осуществить эти мечты было невозможно. Горожанинъ не можетъ снова сдѣлаться поселяниномъ; проникнутый сознаніемъ своей причастности къ умственной жизни города и къ высшимъ культурнымъ наслажденіямъ, даже послѣдній горожанинъ смотритъ съ презрѣніемъ на глупаго крестьянина, на paganus'а. Такимъ образомъ процессъ приходитъ къ концу: городъ, первоначально бывшій главнымъ факторомъ культурнаго развитія и причиною колоссальнаго роста благосостоянія,

[1]) Ср. прил. II.

[2]) Этому соотвѣтствуетъ въ наше время болѣзненное явленіе, называемое натурализмомъ, столь же ложное по своей сущности, какъ и сентиментальныя декламаціи миллионера Сенеки.

въ концѣ концовъ уничтожаетъ благосостояніе, культуру и наконецъ самого себя.

И вотъ наступаетъ ужасный кризисъ третьяго столѣтія, доводящій разложеніе до крайнихъ предѣловъ. Теперь экономическій упадокъ очевиденъ даже для самаго непроницательнаго глаза; наиболѣе рѣзкимъ симптомъ его является все возростающая нужда въ деньгахъ, великій монетный кризисъ, систематическое ухудшеніе монеты въ теченіи цѣлаго столѣтія, государственное банкротство [1]: все это въ концѣ концовъ приводитъ во времена Діоклетіана къ тому, что дѣйствительный денежный обмѣнъ прекращается и деньги снова становятся товаромъ [2]). Слѣдствіемъ этого процесса является возвратъ къ первобытнымъ условіямъ, но не въ смыслѣ возстановленія здоровыхъ отношеній древности — это было бы совершенно невозможно,—а въ томъ смыслѣ, что вездѣ воцаряется принужденіе, юридическое обяза-

1) Объясненіе нужды въ деньгахъ безпрерывнымъ отливомъ золота въ индійскую торговлю я считаю неправильнымъ. При возникновеніи крупныхъ историческихъ процессовъ могутъ дѣйствовать многіе второстепенные факторы, но выводить явленіе исключительно изъ послѣднихъ всегда ошибочно: великія послѣдствія заставляютъ предполагать и великія причины.

2) Ср. Momsen, Gesch. d. röm. Münzwesenes 827 слл. Въ своей статьѣ Die diocletian. Taxordnung vom Jahre 301 въ Ztschr. f. die gesamte Staatswissenschaft. 50, 1894 стр. 193 слл. Бюхеръ очень вѣрно и наглядно изобразилъ этотъ процессъ. Замѣчательно, что и во время французской революціи за банкротствомъ государства немедленно послѣдовало установленіе максимума, примѣненіе котораго сопровождалось такими же грубыми насиліями и такимъ-же малымъ успѣхомъ, какъ и при Діоклетіанѣ.

тельство. Всѣ профессіи, всѣ общественныя положенія дѣлаются наслѣдственными. Принудительная наслѣдственность званія городского совѣтника, декуріона, существуетъ уже при Антонинѣ и Верѣ [1]). Декуріоны становятся отвѣтственными за исправный взносъ городскихъ податей, землевладѣльцы—за поголовную подать своихъ арендаторовъ, цехи—за свои повинности. Цеховое устройство было введено Александромъ Северомъ, какъ и обязательная служба для солдатскихъ дѣтей—въ противномъ случаѣ они теряли отведенные имъ въ пограничныхъ провинціяхъ участки земли. Въ четвертомъ вѣкѣ всѣ корпораціи сдѣлались наслѣдственными; такимъ же образомъ становится наслѣдственнымъ и хлѣбопашество. Отсюда возникаетъ колонатъ позднѣйшаго императорскаго періода; наслѣдственные арендаторы (coloni) становятся крестьянами, привязанными къ землѣ, которые ни въ какомъ случаѣ не могутъ избрать себѣ другой профессіи или покинуть свое мѣстожительство; они лично свободны, но продаются вмѣстѣ съ землею, ихъ господинъ собираетъ съ нихъ поголовную подать въ пользу государства, а впослѣдствіи долженъ изъ нихъ же набирать отряды для войска [2]). Одновременно во

1) Dig. 50,1. 38,6. Ульпіанъ смотритъ на это, какъ на нѣчто совершенно понятное, и предписываетъ, чтобы выселившіеся декуріоны были силою возвращены намѣстниками на родину для исправленія своихъ должностей (Dig. 50, 2, 1).

2) Мнѣніе, достигшее всеобщаго признанія благодаря авторитету Савиньи (его принялъ и Seeck),—будто колоны произошли отъ поселенныхъ внутри государства варваровъ, совершен-

многихъ отрясляхъ государственнаго быта совершается возвратъ къ натуральному хозяйству въ собиранiи податей (гдѣ во всѣ времена существовали натуральныя повинности), въ выдачѣ жалованья и окладовъ [1]). Впрочемъ, со времени Константина здѣсь снова наступаетъ нѣкоторое улучшенiе.

Этимъ заканчивается круговоротъ античнааго развитiя. Πόλις и самоуправленiе погибли, и на ихъ мѣсто вступаетъ бюрократическiй режимъ византiйской монархiи. Въ новой формѣ государство и культура прочно удержались на Востокѣ въ теченiе цѣлаго тысячелѣтiя;

но неосновательно; причины этого явленiя гораздо шире и глубже. Правильное объясненiе далъ впервые Гегель. Изъ новѣйшихъ см. особенно Karlowa, Röm. Rechtsgeschihte, I, 923 слл. и Röm. Agrargeschichte, M. Weber'a, который ясно и исчерпывающимъ образомъ изложилъ происхожденiе колоната.

[1]) Въ своей статьѣ Die diocletianische Taxordnung (Zeitschr. für die gesamte Staatswissenschaff 50, 1894). Бюхеръ говоритъ (стр. 197): „Это можно понять лишь въ томъ случаѣ, если уяснить себѣ, какъ глубоко весь римскiй мiръ въ четвертомъ столѣтiи *еще* былъ погруженъ въ натуральное хозяйство». Если бы вмѣсто «еще» стояло «снова», тогда противъ этого положенiе ничего нельзя было бы возразить. Возвратное движенiе начинается при Александрѣ Северѣ (Vita 42), который сталъ выдавать чиновникамъ кромѣ жалованья еще содержанiе натурой, и затѣмъ безпрерывно усиливается. Къ этому времени относятся собранные Родбертусомъ примѣры, значенiе которыхъ онъ неосторожно распространилъ на все римское время, даже на всю древность. До какой степени римское общество было проникнуто принципомъ денежнаго хозяйства, лучше всего доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ формулярномъ процессѣ обвиняемый могъ быть присужденъ, какъ извѣстно, только къ уплатѣ денежной суммы, хотя-бы дѣло шло совсѣмъ объ иной вещи, напримѣръ, о правѣ собственности.

западъ-же былъ оторванъ отъ имперiи и еще въ продолженiе цѣлыхъ столѣтiй все глубже погружался въ варварское состоянiе, пока постепенно не начала развиваться новая культура.

Мы еще очень далеки отъ окончательнаго разрѣшенiя всѣхъ затронутыхъ здѣсь вопросовъ. Но это, можетъ быть, наиболѣе интересная и важная проблемма всемiрной исторiи. Ибо если мы часто можемъ наблюдать возникновенiе и развитiе культуры, то только здѣсь [1]) историкъ можетъ изучать удивительный феноменъ,—какъ культура, достигшая высшей степени развитiя, разлагается изнутри и снова уступаетъ мѣсто варварству.

---

[1]) Правда, аналогичнымъ процессомъ является упадокъ ислама; но здѣсь, несмотря на нашествiе монголовъ, упадокъ не такъ глубокъ, да и предшествовавшая культура не такъ высока, какъ въ древности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Памятникъ египетскаго натуральнаго хозяйства.

L. Borchardt въ Zeitschr. für ägypt. Sprache XXVIII, 1890, подробно разобралъ и, насколько было возможно, перевелъ часть отрывковъ «счетной книги царскаго двора конца средняго царства», дошедшихъ до насъ въ одномъ изъ папирусовъ египетскаго музея въ Каирѣ. Въ виду исключительнаго значенія этого документа, дающаго возможность близко ознакомиться съ вполнѣ выработанной, удовлетворявшей очень сложнымъ требованіямъ системой египетскаго натуральнаго хозяйства, я приведу здѣсь нѣкоторыя выдержки изъ него. Онѣ взяты изъ наилучше разработаннаго самимъ Борхардтомъ счета 26-го дня второго мѣсяца Шатъ (т. е. второго мѣсяца года (Паофи); египетскій годъ дѣлился на три части по четыре мѣсяца) третьяго года царствованія какого-то неизвѣстнаго фараона. Переводъ, кромѣ пропусковъ и бѣглости письма, затрудняется еще тѣмъ, что мы не умѣемъ точно перевести многіе титулы и названія съѣстныхъ припа-

совъ; въ такихъ случаяхъ я обозначалъ предметы черезъ X; кромѣ того, имѣя въ виду уяснить только способъ веденія счета, я не задумывался иногда переводить болѣе свободно [1]) и не останавливался передъ нѣкоторыми неточностями.

Счеты писаны въ Ѳивахъ придворнымъ писцомъ Неферотепомъ, получавшимъ указанія отъ гофмаршала Энтефемаба, напр.: «Пришелъ гофмаршалъ Энтефемабъ и далъ слѣдующее письменное предписаніе: выдать царицѣ, принцамъ, принцессамъ и дамамъ гарема изъ доходовъ сего дня. Приказаніе было исполнено». Затѣмъ слѣдуетъ подробный перечень: «Счетъ ихъ полученій въ этотъ день». Царица получаетъ 30 хлѣбовъ, 5 кружекъ пива, 1 пучекъ овощей и пр. [2]), принцъ и принцессы, очевидно еще молодые,—всего по десять хлѣбовъ, дамы гарема («царскія сестры») по 10 хлѣбовъ и 1 кружкѣ пива, и т. д. Разница въ размѣрѣ окладовъ объясняется, конечно, тѣмъ, что указанныя порціи назначались и для слугъ даннаго лица.—Подобное же указаніе дается для второго гофмаршала Кеки и для всѣхъ вельможъ и придворныхъ чиновъ.

---

[1]) Такъ, я пишу просто „царь“ или „царскій“ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ текстѣ говорится „господинъ“ съ послѣдующимъ стереотипнымъ благословеніемъ. Точно также я перевелъ слово chenret, обыкновенно переводимое черезъ „гаремъ“ просто словомъ „дворъ“, такъ какъ оно очевидно имѣетъ очень обширное значеніе (Borchardt, стр. 34).

[2]) Цифры остальныхъ выдачъ испорчены. Впрочемъ, въ *этомъ* отрывкѣ рѣчь идетъ объ единичной, исключительной выдачѣ.

Слѣдующій заключительный счетъ этого дня раскрываетъ намъ общій характеръ дворцоваго хозяйства.

Разсчетъ царскаго хозяйства [1]) на 26/2 III.	Хлѣбовъ.	Х.	Пива круж.	Х.	Большихъ круж. (?).	Овощей (пучковъ ?)	Х.	Х.
1) Счетъ регулярныхъ доходовъ за 26/2. III [2]). .	1630	—	130	1	52	200	—	—
2) Остатокъ съ 25/2. III.	210	487	12	—	—	—	—	—
3) (Экстраординарные) доходы этого дня . .	—	716	125	—	30	1[3])	20	10
4) Полученія отъ храма Амона по приказанію царя [4]).	100	—	—	—	—	—	—	—
Сумма I	1940	1203	267	1	82	200	20	(10)
II. Расходы [5]).								
1) Выдано двору .	575	150	52	1	52	100	—	—
2) » » (рукоп. испорч.).	600	—	56?	—	—	50	—	—
3) » многимъ людямъ (непереводимо) [6])	525	—	38	—	—	50	—	--
4) Содержаніе вельможъ. . . . дома	—	820	102	—	30	—	2	4
5) Раціоны для гофмаршала Кеки [7])	—	30	3	—	—	—	—	—
Сумма II.	1700	1000	251	1	82	200	2	4
Излишекъ (остатокъ на слѣд. день). . . .	240	203	16	0	0	0	0[8])	0[6])

1) Буквально „Разсчетъ вещей господина“.

2) Буквально „Списокъ вещей господина“. Это неизмѣнные доходы каждаго дня, перечень которыхъ за цѣлый мѣсяцъ, (онъ

Этотъ заключительный разсчетъ основанъ на отдѣльныхъ счетахъ даннаго дня. Списокъ экстраординарныхъ доходовъ—они, какъ кажется, проходили черезъ руки визиря—къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ для насъ непонятенъ; по мнѣнію Борхардта, писецъ противопоставляетъ здѣсь доходы дѣйствительно поступившимъ, которые значительно уступаютъ первымъ. Приведу нѣсколько образцовъ изъ расходовъ (среди которыхъ встрѣчаются и расходы на куренія, жертвоприношенія и т. д.); имена я опускаю.

приведенъ у Борхардта, стр. 8) показываетъ тѣ-же суммы, которыя здѣсь выставлены. Отъ нихъ отличаются экстраординарныя поступленія подъ рубрикой 3 (буквально „поступило въ качествѣ доходовъ, обозначенныхъ подъ этимъ днемъ“), колеблющіяся изо дня въ день.

3) Такъ какъ эта статья не принята во вниманіе при подсчетѣ, то здѣсь, вѣроятно произошла ошибка; это случается не разъ и, можетъ быть, указываетъ, какъ полагаетъ Борхардтъ, на утайки писца, хотя врядъ-ли можно допустить, что онъ заносилъ-бы ихъ въ списки.

4) Царь получаетъ ежедневно изъ храмового имущества 100 хлѣбовъ и, кромѣ того, большей частью еще по 10 кружекъ пива.

5) Смыслъ ясенъ, хотя словъ и нельзя перевести. Къ сожалѣнію, слѣдующія указанія относительно отдѣльныхъ категорій сильно повреждены, а сохранившееся частью непонятно.

6) Можетъ быть здѣсь обозначены низшія группы пенсіонеровъ двора.

7) Соотвѣтственно вышеупомянутой ассигновкѣ, въ которой выставлены тѣ-же суммы.

8) Такъ какъ мы не знаемъ, какіе предметы здѣсь обозначены, то мы не знаемъ и того, какъ объяснить этотъ итогъ, не соотвѣтствующій отдѣльнымъ суммамъ.

Списокъ вельможъ и ихъ полученій въ этотъ день, какъ приказано:

	Кружекъ пива.	Х.	Х.	Капусты.
Визирь и комендантъ города . . .	1	1	1	1
Камергеръ генералъ	1	1	1	1
— начальн. госуд. имуществъ.	1	1	1	1
— личный секретарь царя. . .	1	1	1	1
Точно также четыре другихъ секретаря, каждый	1	1	1	1
Начальникъ гвардіи	1	1	1	1
Замѣститель коменданта города . .	1	1	1	1
Генералъ пѣхоты	1	1	1	1
Церемоніймейстеръ	1	—	1	1
Точно также три офицера гвардіи, три чиновника визиря, два низшихъ начальника канцелярій, каждый	1	—	1	—
. . . . великіе (неизв.) . . .	10	—	—	—
Суммма	30	11	20	11

	Хлѣбовъ.	Кружекъ пива.	Х.	Х.	Больш. круж.
Царица	10	2	1	—	2
Принцъ и три принцессы, кажд.	10	1	—	5	—
6 дамъ гарема кажд.	20	2	—	5	—
Одна „ „	20	1	—	5	—
Двѣ „ „	10	1	—	5	—
Судья Нехента [1])	20	2	—	5	—
два офицера гвардіи. кажд.	20	2	—	5	—
три высшихъ судебныхъ чиновн., каждый	20	2	—	5	—
четвертый судебн. чиновн. и т. д.	10	1	—	5	—

[1]) Одинъ изъ высшихъ судебныхъ чиновниковъ.

Изъ этихъ счетовъ не всегда можно понять, какъ относятся однѣ суммы къ другимъ; мы узнаемъ, напримѣръ, что названныя придворныя дамы и чиновники ежедневно получаютъ впередъ по кружкѣ пива, которая поэтому не засчитывается въ отдѣльныя дневныя порціи. Безъ сомнѣнія, происхожденіе различныхъ выдачъ имѣло вліяніе характеръ счетоводства. Но лежащая въ его основаніи система вполнѣ ясна.

II. Греческій провинціальный городъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х.

Картина состоянія маленькаго города на Эвбеѣ, которую рисуетъ Діонъ Хрисостомъ въ своей седьмой рѣчи, такъ характерна для того времени и даетъ такое живое представленіе о причинахъ упадка древняго міра, что я считаю нужнымъ подробно воспроизвести ее здѣсь.

Городъ, которому принадлежитъ дикая, круто спускающаяся къ Эгейскому морю мѣстность на юго-восточномъ берегу Эвбея [1])—κοῖλα τῆς Εὐβίας или каферскія скалы, грозящія неминуемой гибелью всякому занесенному сюда кораблю,—имѣетъ устройство, общее всѣмъ греческимъ городамъ: мы находимъ здѣсь верховное вѣче, засѣдающее въ театрѣ, выборныхъ чиновниковъ, литургіи богатыхъ людей (р. 230); въ нѣ-

[1]) Названіе города съ умысломъ опущено.

которыхъ случаяхъ всѣмъ гражданамъ раздаются деньги (p. 238); εὐεργέται τῆς πόλεως освобождены отъ податей и литургій (p. 230); заслуженные граждане получаютъ пищу въ пританеѣ (p. 242). Утайка общественныхъ денегъ (τὰ κοινὰ ἡαρπάζειν) случается и здѣсь, какъ вездѣ (p. 231). Городъ, конечно, укрѣпленъ; въ гавани находится много кораблей (p. 228). Граждане живутъ торговлей и промышленностью (ср. p. 223, 258), многіе кромѣ того владѣютъ скотомъ [1]), который выгоняется на городское пастбище (p. 233). Весь округъ принадлежитъ городу и обязанъ платить ему подати. Большая часть земли, если не вся, принадлежитъ богатымъ людямъ, которые владѣютъ огромными имѣніями, утилизируемыми частью какъ пастбища, частью для земледѣлія. Но страна совершенно пустынна. „Почти двѣ трети нашей области“, говоритъ одинъ изъ гражданъ въ народномъ собраніи, „лежатъ въ запустѣніи, потому что мы не заботимся о ней и имѣемъ слишкомъ много населенія. Я самъ владѣю большимъ числомъ десятинъ πλέθρα, 1 плеѳтръ = 210 кв. саж.) не только на горахъ, но и въ равнинѣ, а если-бы кто-нибудь взялся воздѣлывать ихъ я не только отдалъ бы ихъ ему даромъ, но еще охотно прибавилъ бы къ этому денегъ“. Слѣдуетъ разрѣшить пользованіе общественной зем-

[1]) Главнымъ образомъ, если не исключительно, мелкимъ скотомъ (πρόβατα). Греки, какъ извѣстно, гораздо больше пользовались овцами и козами для полученія молока и сыра, чѣмъ мы.

лей для обработки и пастьбы сначала безплатно—гражданамъ на десять, чужеземцамъ на пять лѣтъ, а затѣмъ за небольшую часть земныхъ плодовъ; налога же на скотъ совсѣмъ не должно существовать. Если же чужеземецъ будетъ обработывать больше 200 плеѳровъ (19 гектаровъ), то ему слѣдуетъ предоставить права гражданства. Этимъ можно было-бы устранить царящія въ городѣ бѣдность и безработицу. Теперь запустѣніе начинается у самыхъ воротъ, „страна совершенно безплодна и имѣетъ такой печальный видъ, какъ будто она лежитъ далеко въ пустынѣ, а не у воротъ города. Внутри же стѣнъ большая часть городской земли служитъ для посѣвовъ и пастбищъ“. „Гимназію обратили въ пашню, такъ что лѣтомъ статуи Геракла и другихъ боговъ и героевъ скрыты въ хлѣбѣ; ораторъ, говорившій передо мною, каждое утро выгоняетъ свой скотъ на рынокъ и пасетъ его передъ думой и общественными зданіями, такъ что иностранцы, прибывающіе къ намъ, смѣются надъ городомъ или жалѣютъ его“ (p. 232 сл.). Сообразно съ этимъ и въ самомъ городѣ многіе дома стоятъ пустыми (p. 238); количество населенія, очевидно, постоянно уменьшается. У каферскихъ скалъ живутъ нѣсколько рыбаковъ, занимающихся ловлей пурпуровыхъ раковинъ (p. 220, 241); вся остальная область на большомъ протяженіи безлюдна. Когда-то вся эта страна принадлежала одному богатому гражданину, «который владѣлъ многими стадами рогатаго скота и лошадей, многими пастбищами и плодородными полями, и кромѣ

того, большимъ состоянiемъ» (р. 224). Изъ за своего богатства онъ былъ убитъ по приказанiю императора, его ста[illegible] были угнаны (въ томъ числѣ и скотъ, принадлежавшiй его пастухамъ), и съ тѣхъ поръ земля такъ и лежитъ безъ употребленiя. Осталось только двое пастуховъ, свободныхъ гражданъ города [1]), которые теперь живутъ охотой и отчасти земледѣлiемъ, садоводствомъ и разведенiемъ скота. Они не ходятъ въ городъ, и къ нимъ никто не приходитъ, кромѣ потерпѣвшихъ кораблекрушенiе, которымъ они оказываютъ радушный прiемъ. Только одинъ разъ у нихъ былъ городской сборщикъ податей и, такъ какъ они ничего не могли заплатить, взялъ одного изъ нихъ съ собою въ городъ. Здѣсь онъ былъ обвиненъ передъ народнымъ собранiемъ въ незаконномъ пользованiи общественной землей и вдобавокъ въ отказѣ уплатить подать, но былъ блестящимъ образомъ оправданъ. — Изъ этого описанiя явствуетъ также, что здѣсь — совершенно какъ въ Италiи — крупные землевладѣльцы вели скотоводство въ

1) Вотъ еще одно изъ тысячи доказательствъ въ пользу существованiя свободнаго труда. Укажу также на свободныхъ женщинъ, „нанимавшихся въ качествѣ полевыхъ работницъ, собирательницъ винограда или кормилицъ“, о которыхъ упоминаетъ Дiонъ (р. 260). Будутъ-ли наши теоретики приводить въ доказательство господствовавшаго въ древности презрѣнiя къ труду въ противоположность къ нашему времени также показанiе Дiона, что часто сыновьямъ, матери которыхъ такимъ образомъ снискивали себѣ пропитанiе, или отцы которыхъ были школьными учителями, либо педагогами, ставилось въ укоръ ихъ происхожденiе?

большихъ размѣрахъ, въ земледѣлiи же крупное хозяйство исчезаетъ и замѣняется отдачею участковъ въ аренду за умѣренную плату.

Тотъ кризисъ, котoтрый переживаетъ греческiй городъ, изображенный здѣсь Дiономъ, — а уже въ первыя времена имперiи вся Грецiя имѣла такой же видъ [1]) — въ послѣдующiе вѣка охватываетъ Римъ и его окрестности, и слѣды его понынѣ не изгладились въ Кампанiи. И здѣсь земледѣльческiе города мало-по-малу исчезаютъ, земля на протяженiи многихъ миль остается необработанной и служитъ только для скотоводства (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по склонамъ горъ — также для винодѣлiя), пока, наконецъ, и самый Римъ становится безлюднымъ, дома и общественныя зданiя пустѣютъ и обрушиваются, и на форумѣ и Капитолiѣ пасется скотъ. Тѣ-же явленiя начали въ нашемъ столѣтiи обнаружи-

1) „Начиная съ македонскаго перiода и до настоящаго времени положенiе Θивъ все ухудшалось, и теперь онѣ не похожи даже на порядочную деревню. Та же участь постигла и всѣ другiе города Беотiи кромѣ Танагры и Θеспiй, потому что эти города въ сравненiи съ остальными все еще довольно велики.“ Страбонъ IX 2, 5. На границѣ Фокиды въ равнинѣ Кефиса лежитъ городъ Панопей, „если можно назвать городомъ мѣсто, не имѣющее ни общественнаго зданiя, ни гимназiи, ни театра, ни рынка“. Paus. X, 4. 1. Тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ свою область и посылаетъ представителей въ фокейскiй совѣтъ. „Въ Аркадiи славные въ древности города исчезли вслѣдствiе безпрерывныхъ войнъ, а крестьяне выселились еще въ то время, когда былъ основанъ Мегалополь. Теперь и онъ, какъ говоритъ комикъ, представляетъ собою большую пустыню“. Страбонъ VIII, 8, 1. Такихъ свидѣтельствъ можно было-бы при желанiи привести очень много.

ваться въ Ирландіи и теперь рѣзко бросаются въ глаза всякому, кто посѣтитъ Дублинъ или проѣзжаетъ по странѣ.

Діонъ написалъ свой разсказъ съ цѣлью вывести изъ него поученіе. Оно сводится къ похвалѣ бѣдности и сельской жизни въ противоположность жаждѣ наживы и къ растлѣвающему вліянію промышленной дѣятельности. Діонъ спрашиваетъ, не слѣдуетъ ли уничтожить города и вернуться въ деревню, какъ сдѣлали аѳиняне въ глубокой древности, а затѣмъ при Писистратѣ (p. 257 сл.). Конечно, въ такого рода сочиненіяхъ не слѣдуетъ принимать на вѣру и считать статистически точнымъ каждое показаніе; кромѣ того, мы легко обошлись-бы безъ моральныхъ разсужденій, лучше выраженныхъ другими, писателями. Но его описаніе дѣйствительныхъ условій даетъ намъ неоцѣнимый матеріалъ для рѣшенія одной изъ величайшихъ проблеммъ исторіи.

III. Къ вопросу о роли рабства въ императорскій періодъ.

Въ своей статьѣ о сущности и устройствѣ крупныхъ предпріятій [1]), Шмоллеръ указываетъ на рабство, какъ на тотъ факторъ, который «свергнулъ древній міръ съ высоты его культуры». «Вмѣстѣ съ этой соціальной организаціей (основанной на рабствѣ) въ

[1]) Zur Sozial und Gewerbepolitik der Gegenwart. Reden und Aufsätze, 1890, стр. 377 см.

каждый изъ этихъ торговыхъ домовъ проникъ соціальный антагонизмъ, неуживчивость, быстро возростающее взаимное недовѣріе, ненависть, страсть обманывать другъ друга, перебивать другъ у друга прибыль, такъ что относительно послѣдующаго времени можно, кажется, сказать, что Римъ [1]) погибъ благодаря устройству своихъ крупныхъ предпріятій, благодаря нравственной и коммерческой деморализаціи какъ господъ, такъ и слугъ».

Я привожу эти фразы, какъ разъ случившіяся у меня подъ рукой, только потому, что онѣ точно формулируютъ общераспространенное воззрѣніе. Можно было-бы безъ труда привести еще много подобныхъ утвержденій, выраженныхъ писателями самыхъ разнообныхъ направленій; даже Моммсенъ видитъ въ рабствѣ язву, разъѣдающую древній міръ. Я ни въ какомъ случаѣ не могу согласиться съ этимъ взглядомъ. Правда, разореніе Италіи въ послѣдніе вѣка республики было въ значительной степени вызвано рабствомъ; но врядъ-ли процессъ сильно видоизмѣнился-бы, если бы крупные владѣльцы не располагали рабскимъ трудомъ, а были принуждены, какъ современные предприниматели, обращаться къ услугамъ рабочаго пролетаріата. Они такъ же легко создали бы [2]) и такъ-же безжалостно вы-

[1]) Авторъ имѣетъ здѣсь въ виду, конечно, римское государство, а не городъ Римъ.

[2]) Слѣдуетъ помнить, что пролетаріи не подлежали воинской повинности. Обязательная военная служба вмѣстѣ съ капитализмомъ вела къ разоренію крестьянства.

сасывали бы его, какъ и рабовъ. Наоборотъ, во времена имперіи. какъ уже замѣчено, рабство все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе. Насколько преувеличено общераспространенное мнѣніе относительно роли рабства въ крушеніи древняго міра, лучше всего видно изъ того, что «рабскаго» вопроса, никогда не существовало что никогда не происходило значительныхъ возстаній рабовъ (большіе бунты рабовъ приходятся на второе и первое столѣтія до Р. Х.; они были вызваны тѣмъ, что въ это время были обращено въ рабство путемъ войны и разбоя множество свободныхъ людей; во времена имперіи эти условія, не смотря на отдѣльные случаи насилій и беззаконія уже не играютъ никакой роли), что рабство съ этихъ поръ до начала новаго времени постепенно исчезаетъ, при томъ исключительно благодаря измѣненію экономическихъ условій.

Обычный взглядъ на положеніе рабовъ въ древности, выступающій въ приведенныхъ словахъ Шмоллера, совершенно не соотвѣтствуетъ показаніямъ источниковъ. Какъ-бы ни обострялись по временамъ взаимныя отношенія,—въ общемъ обѣ стороны считали ихъ вполнѣ естественными. Этимъ, конечно, не отрицается, что господа имѣли полное основаніе принимать необходимыя мѣры предосторожности, что многіе рабы какъ изъ благородныхъ, такъ и изъ неблагородныхъ побужденій старались избавиться отъ своего положенія и видѣли въ немъ унизительное и тяжелое иго. Но эта черта не служитъ характернымъ признакомъ рабства, а есть

обычное явленіе въ отношеніяхъ высшихъ, состоятельныхъ классовъ къ неимущимъ, все равно—свободны-ли послѣдніе или нѣтъ. Господствующій взглядъ является плодомъ новѣйшаго противоневольническаго движенія, которое и въ другихъ случаяхъ, напримѣръ въ борьбѣ противъ существованія домашнихъ рабовъ на Востокѣ, доказало свою неспособность къ правильной оцѣнкѣ существующихъ условій. Черкесы въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій считали продажу дѣтей вполнѣ естественной и разумной, и они выселились, когда послѣдняя вслѣдствіе ихъ присоединенія къ Россіи сдѣлалась невозможной; а ихъ дочери, попадая въ турецкій гаремъ, смотрѣли на это не какъ на горе, а какъ на счастье.

Изъ этихъ замѣчаній ясно, также, насколько невѣрно ходячее мнѣніе, которое въ экономическомъ равитіи видитъ поступательное движеніе отъ рабства къ крѣпостничеству, отсюда къ свободному труду, и не смотря на всѣ признаки упадка стремится доказать, что это движеніе представляетъ огромный шагъ впередъ отъ древности къ среднимъ вѣкамъ. Въ дѣйствительности образованіе колоната, крѣпостничества, представляетъ собою не прогрессъ, а характерный признакъ возврата къ примитивнымъ условіямъ средневѣковаго расчлененнаго на сословія общества. Крѣпостной колонъ вступаетъ вѣдь не на мѣсто раба, а на мѣсто свободнаго арендатора, который теперь наслѣдственно связывается. Притомъ, было-бы ошибочно думать, что положеніе

колона лучше положенія раба. Рабу при ловкости и удачѣ открытъ путь къ свободѣ и богатству, его дѣтямъ (а часто и ему самому)—къ высокому положенію въ государствѣ и обществѣ. Стоитъ только вспомнить безчисленныхъ вольноотпущенниковъ и сыновей вольноотпущенниковъ, которыхъ мы встрѣчаемъ въ литературѣ, до Горація включительно. Для колона и его потомства этотъ путь навсегда закрытъ; онъ никогда не можетъ выбиться изъ своего сословія, а если и попытается сдѣлать это, то его ждетъ тяжелая кара.

